

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТРЕВОЖНОСТИ

В современной психологии значительное место уделяется изучению различных свойств, качеств человека. Изучаются коммуникативность и ответственность, интернальность и зависимость, уверенность и тревожность, стрессоустойчивость и агрессивность. Число изучаемых качеств имеет тенденцию увеличиваться, создаются новые методики (чаще всего опросникового типа) для их исследования, анализируются корреляционные связи между показателями различных качеств, рассматриваются возрастные особенности их проявления. При этом нередко возникает ощущение, что изучаемые качества рассматриваются фрагментарно, недостаточно всесторонне, что в определенной мере затрудняет возможность использования получаемой в исследованиях информации в практической работе с людьми. Сказанное свидетельствует о необходимости использования системного подхода при изучении рассматриваемых вопросов. В качестве одного из вариантов системного подхода в психологии может рассматриваться последовательное применение к изучаемым проблемам методологии объектоцентрической, антропоцентрической и социоцентрической ориентаций (парадигм) [5;9]. Данные ориентации возникали в истории психологии последовательно, одна за другой, причем каждая последующая подвергала критике то, что было сделано в рамках предыдущей. Эта критика была закономерной и необходимой для вызревания и разворачивания каждой новой ориентации, но она же приводила и к некоторому нежелательному результату – к утасанию тех направлений исследования, которые сложились в рамках предшествующей ориентации. Антропоцентрическая ориентация во многом вытеснила объектоцентрическую ориентацию, будучи позднее сама потеснена социоцентрической ориентацией в психологической науке и практике. В данной работе предпринята попытка рассмотреть одну из традиционных проблем психологии – проблему исследования тревожности – с позиции трех вышеуказанных ориентаций – объектоцентрической, антропоцентрической и социоцентрической.

1. Тревожность как объект психологического исследования

1.1. Роль моделей в изучении тревожности

Тревожность с позиции объектоцентрического подхода можно исследовать, взяв в качестве модели интеллект [7;13] и сенсомоторные реакции [8;12], изученные в психологической науке значительно более

глубоко и всесторонне. При этом необходимо иметь в виду существующие отличия, связанные с тем, что при исследовании сенсомоторных реакций и интеллекта есть возможность реального выполнения действий (реагирования на раздражитель, решения задачи), а значит, особенности сенсомоторных реакций и механизмов интеллекта в той или иной форме проявляются непосредственно в ходе исследования. С тревожностью ситуация иная, поскольку испытуемый не демонстрирует образцы реального тревожного реагирования, а находясь в относительно спокойном состоянии лишь в словесной форме отвечает, тревожит ли его описание той или иной ситуации, представленной в вопросах. В силу этого с помощью опросников исследуется не собственно тревожность как присущий человеку механизм (функциональная система) реагирования на реальные жизненные (повседневные, учебные, профессиональные и др.) ситуации, а своего рода квазитревожность («как бы» тревожность), если использовать в качестве рабочего такой термин.

Безусловно, квазитревожность в определенной степени отражает реальную тревожность, то есть механизмы тревожного реагирования в сложных жизненных ситуациях, но эта связь опосредована действием множества различных факторов. Квазитревожность, фактически, также связана с формированием некоторой функциональной системы, но эта система во многом отличается от функциональной системы, обуславливающей собственно тревожное реагирование. В связи с этим, говоря об исследовании тревожности на основе использования опросников, будем иметь в виду, что исследуется не реальная тревожность, а ее психометрический заместитель, то есть квазитревожность.

Представляется, что квазитревожность, проявляющаяся в опросниковых методиках, обусловлена действием многих механизмов, среди которых механизмы эмоциональной устойчивости и стрессоустойчивости человека, особенности его самоотношения, локуса контроля и др. В наших исследованиях тревожность изучается через ее представленность внутри квазитревожности, а значит, должна быть изучена возрастная и гендерная динамика квазитревожности, выявлены особенности человека, влияющие на проявления квазитревожности.

Изучая квазитревожность, возьмем в качестве модели исследования интеллекта, поскольку такого числа работ, которое выполнено по проблеме интеллекта, нет ни по какому другому свойству человека.

Уже в определении квазитревожности могут быть использованы подходы, имевшие место в истории исследований интеллекта [13]. Если интеллект при одном из подходов можно описать через процедуру его измерения как способность решать определенным образом сконструиро-

ванные тестовые задачи, то аналогичным образом можно определить квазитревожность через процедуру ее измерения как способность определенным образом отвечать на сконструированные тестовые вопросы. Соответственно при исследовании квазитревожности могут, как и при исследовании интеллекта, использоваться различные модели – одноуровневые и многоуровневые (иерархические), априорные, построенные на некоторых теоретических посылах, а затем верифицируемые в эмпирических исследованиях, аналогично модели интеллекта Дж. Гилфорда, и апостериорные, построенные на основе экспериментальных исследований, аналогично моделям Ч. Спирмена и Л. Терстоуна [13]. Такие варианты моделей широко используются в исследованиях по проблеме интеллекта, но думается, что накопленные в ходе исследований интеллекта подходы, процедуры исследования и интерпретации имеют более широкое общепсихологическое значение и могут быть применены при исследовании других свойств человека, в частности, его квазитревожности.

В рассматриваемом плане представляет интерес модель интеллекта Ч. Спирмена [13], который предположил, что в основе успешного выполнения тестов на мышление, восприятие, память, внимание лежит общий генеральный G-фактор, наряду с которым есть специфические для каждого вида познавательной деятельности S-факторы.

Если применить эти рассуждения к анализу квазитревожности, то можно сделать вывод, что при одновременном использовании большого числа методик “на тревожность”, разработанных в разное время и разными авторами, можно ожидать обнаружения некоего генерального фактора тревожности, который будет в большей мере проявляться в одних методиках, направленных на выявление тревожности, и меньше – в каких-то других методиках “на тревожность”. Можно предположить также, что действие генерального G-фактора “общей энергии тревожного реагирования” на сложные жизненные ситуации будет проявляться в высоких корреляциях между показателями тревожности в разных методиках “на тревожность”, тогда как действие S-факторов будет приводить к снижению уровней значимости коэффициентов корреляции между показателями тревожности из разных методик или к отсутствию статистически значимых связей между ними. Это предположение, направленное на выявление генерального фактора тревожности, проверялось нами в ряде исследований, выполненных с использованием разных методик “на тревожность” на различных выборках.

При дальнейшем исследовании квазитревожности (а посредством ее тревожности как таковой) важно выявить, как может быть интерпретирован генеральный фактор тревожности. Аналогично тому, как в работах Ч. Спирмена по исследованию интеллекта между факторами G и S позднее появляются групповые факторы, а Л. Терстоун вообще создает многофакторную модель интеллекта [13], так и при исследовании квазитревожности с помощью различных методик между G и S факторами можно предположить наличие некоторых групповых факторов. В наших исследованиях сделана попытка выйти на эти групповые факторы через изучение связей показателей квазитревожности с показателями других свойств человека – стрессоустойчивости и эмоциональной устойчивости, локуса контроля, самоотношения, психометрического интеллекта и социального интеллекта, а также различных факторов, выявляемых с помощью методики 16-PF Кеттелла. Было выдвинуто предположение, что действие групповых факторов внутри различных методик “на тревожность” может проявиться в различных корреляционных связях с перечисленными выше показателями, то есть показатели квазитревожности по разным методикам, будучи тесно связанными между собой за счет действия генерального фактора, окажутся различным образом связанными с показателями других свойств под влиянием действия неких групповых факторов тревожности. Иными словами, действие группового фактора может проявляться через особенности связей с показателями других методик, не адресованных их создателями к изучению тревожности.

Отметим, что использование знаний, накопленных при исследовании интеллекта, для изучения квазитревожности и тревожности является обоснованным в силу наличия семиотической связи между интеллектом как одной из форм проявления глубинных механизмов жизнедеятельности человека и другими его свойствами, которые также в специфической форме реализуют те же исходные механизмы жизнедеятельности. Поэтому в исследованиях тревожности могут найти свое применение и различные другие идеи, разрабатывавшиеся при изучении интеллекта [13], например, идея Р. Кеттелла о “связанном” и “свободном” интеллекте, что может быть трансформировано в представления о “связанной” тревожности, проявляющейся в том, как принято тревожиться (переживать и проявлять свою тревожность) в конкретном социуме, и “свободной” тревожности, независимой от степени приобщения человека к культуре. Заметим в этой связи, что З. Фрейд выделял, правда, по иным

основаниям, так называемую “плавающую” тревогу. Не менее значимы взгляды на проблему интеллекта, разрабатывавшиеся в работах Г. Айзенка, выделявшего три разных структурных уровня интеллекта – биологический, психометрический и социальный, которым соответствуют и различные концепции интеллекта. Аналогичные уровни можно выделить при исследовании тревожности: биологический уровень, на котором могут изучаться физиологические особенности, отличающие организм высокотрещовного человека от низкотрещовного; психометрический уровень, где, как уже говорилось, с помощью различных опросников исследуется квазитрещовность как некий заместитель реальной трещовности человека; социальный уровень, на котором трещовность проявляется в реальных ситуациях общения и деятельности (повседневной, учебной, профессиональной) человека.

Особый интерес, как и при исследованиях интеллекта, представляет изучение динамики квазитрещовности в различных аспектах. В большом цикле выполненных под нашим руководством исследований изучаются показатели трещовности и их возрастная динамика (на выборках школьников, студентов, учителей). Возрастная динамика не проявляется здесь в чистом виде, поскольку кроме возрастного фактора мы сталкиваемся с действием других факторов (изменение содержания учебной деятельности, особенности включения в социум, степень приобщения к профессии и др.). Поэтому при проведении исследований такого рода корректнее говорить не о возрастной динамике показателей трещовности (квазитрещовности), а о динамике трещовности от курса к курсу (у студентов), или от класса к классу (у школьников), или в зависимости от стажа работы (у учителей). Необходимо учитывать также гендерные различия и различия в показателях трещовности (квазитрещовности) у представителей различных профессиональных групп.

1.2. Экспериментальное исследование проявлений генерального и специфических факторов трещовности

В исследовании В. В. Штрессер изучалась психометрическая трещовность (квазитрещовность) на выборке 93-х учащихся 5-11-х классов. Выборка была разбита на три части: учащиеся 5-6-х классов (35 чел.), 7-8-х классов (28 чел.) и 9-11 классов (31 чел.). Использовалась методика “Шкала трещовности”, разработанная А.М. Прихожан по принципу “Шкалы социально-ситуативной трещовности” Кондаша, тест школьной трещовности Филлипса. Кроме того, детям всех возрастов были предложены методика Спилбергера-Ханина и

личностная шкала проявления тревоги Тейлор, чтобы посмотреть, как они будут отвечать на эти опросники в сравнении методиками “на тревожность”, разработанными специально для детей. По методике Филлипса определялись показатели по восьми шкалам и общий девятый показатель “Наличие повышенной тревожности у ребенка”. Учитывался также обобщенный показатель успеваемости.

Результаты проведенного корреляционного анализа для всей выборки, включавшей 93-х учащихся приведены в табл.1

Таблица 1

Взаимосвязь различных показателей тревожности
у учащихся 5-11 классов (n=93, p<0.05)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	1	.38	.36	.46	.42	.28	.35		.21	.34	.31	.26	.34	.42	.28	.21	
2		1	.60	.43	.31	.34	.31		.26	.28		.27	.47	.45	.41	.39	
3			1	.36	.29	.24	.34		.20	.26			.26	.30		.21	
4				1	.76	.59	.70	.58	.51	.62	.58	.57	.49	.49	.35	.45	-.29
5					1		.42	.36	.74	.54	.56	.39	.51	.54	.43	.40	-.21
6						1	.43	.33		.37		.38				.24	-.28
7							1	.40	.30	.61	.33	.64	.29	.29	.22	.28	
8								1	.27	.26	.26	.33					
9									1	.42	.28	.37	.37	.40	.26	.31	
10										1	.29	.47	.39	.41	.28	.36	-.24
11											1	.24	.39	.41	.29	.36	-.31
12												1	.28	.32		.28	
13													1	.89	.88	.85	-.28
14														1	.71	.65	-.26
15															1	.60	-.23
16																1	-.24
17																	1

Показатели: 1. Уровень тревожности (по шкале Тейлор); 2. Личностная тревожность (по Спилбергеру-Ханину); 3. Реактивная тревожность (по Спилбергеру-Ханину); 4. Наличие повышенной тревожности у ребенка (по Филлипсу); 5. Общая тревожность в школе (по Филлипсу); 6. Переживание социального стресса (по Филлипсу); 7. Фрустрация потребности в достижении успеха (по Филлипсу); 8. Страх самовыражения (по Филлипсу); 9. Страх ситуации проверки знаний (по Филлипсу); 10. Страх не соответствовать ожиданиям окружающих (по Филлипсу); 11. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу (по Филлипсу); 12. Проблемы и страхи в отношениях с учителями (по Филлипсу); 13. Общая тревожность (по Кондашу-Прихожан); 14. Школьная тревожность (по Кондашу-Прихожан); 15. Самооценочная тревожность (по Кондашу-Прихожан); 16. Межличностная тревожность (по Кондашу-Прихожан); 17. Успеваемость.

Как можно видеть из табл. 1, из 120 возможных связей между показателями тревожности обнаружено 102 статистически значимых связи. Все четыре показателя методики Кондаша-Прихожан тесно связаны между собой: коэффициенты корреляции варьируют от +.60 до +.89 (p<0.001).

В методике Филлипса 8 показателей дают максимально возможное число связей с другими показателями (8 связей из 8-ми) и только один показатель – “Переживание социального стресса” –

“выпадает” (5 связей из 8-ми). Можно отметить также специфическое “корреляционное поведение” показателя “Страх самовыражения”, который хотя и связан абсолютно со всеми другими показателями методики Филлипса, но, в основном, на более низких уровнях достоверности (при $p \leq 0.05$ и $p \leq 0.01$). Именно эти два показателя оказались наиболее слабо связанными с показателями методики Кондаша-Прихожан: “Страх самовыражения”, по Филлипсу, не обнаружил ни одной статистически значимой связи с показателями методики Кондаша-Прихожан; “Переживание социального стресса” обнаружило только одну, значимую при $p \leq 0.05$, связь с “Межличностной тревожностью” по Кондашу-Прихожан. В то же время, в целом, из 36 возможных связей между показателями методик Филлипса и Кондаша-Прихожан для всей выборки учащихся 5-11-х классов выявлено 28 статистически значимых связей, то есть данные методики “на тревожность” достаточно тесно связаны между собой и, действительно, адресованы к выявлению одного и того же свойства.

Показатели методики Кондаша-Прихожан оказались также в достаточной мере соответствующими показателям тревожности по шкале Тейлор (одна связь на уровне $p \leq 0.05$ и одна связь – на уровне $p \leq 0.01$ и две связи на уровне $p \leq 0.001$), личностной тревожности по Спилбергеру-Ханину (все четыре коэффициента значимы при $p \leq 0.001$). Что касается реактивной тревожности, то здесь одна связь из четырех незначимая, две связи значимы при $p \leq 0.05$, одна – при $p \leq 0.01$.

Для методики Филлипса из 27 возможных связей с показателями методики Тейлор и Спилбергера-Ханина выявлена 21 статистически значимая связь. И в этом случае значимые связи с показателями данных методик отсутствовали у показателя “Страх самовыражения”, а также, частично, у показателей “Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу” и “Проблемы и страхи в отношениях с учителями” (по Филлипсу). Можно предположить, что в этих различиях “корреляционного поведения” проявляются особенности тревожности человека, с одной стороны, как субъекта деятельности (успешен – неуспешен, способен – неспособен), а с другой стороны, как личности (принят – не принят, приятен – неприятен).

Относительно показателей по шкале тревоги Тейлор, и показателей личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину можно отметить, что все они коррелируют на уровне $p \leq 0.001$.

Полученные результаты свидетельствуют как о выраженном действии генерального фактора тревожности, так и о наличии некоторых групповых и специфических факторов.

Остановимся теперь на особенностях взаимосвязи показателей тревожности отдельно для выборок учащихся 5-6, 7-8 и 9-11 классов (табл. 2,3,4).

Таблица 2

Взаимосвязь показателей тревожности*
у учащихся 5-6 классов ($n=35$, $p \leq 0.05$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	1	.63	.38	.47	.48		.37		.37	.50			.63	.70	.58	.35	
2		1	.52	.52	.46		.49		.48	.47		.53	.57	.58	.48	.46	
3			1				.39						.35	.42			
4				1	.69	.60	.72	.53	.46	.59	.52	.66	.44		.35	.47	
5					1				.76	.50	.45		.49	.41	.46	.41	-.36
6						1	.37			.47		.37				.44	
7							1	.40		.46	.34	.69					
8								1				.36					.37
9									1	.34			.52	.42	.46	.46	
10										1		.45	.45	.41		.49	
11											1	.34					
12												1					
13													1	.89	.88	.77	-.48
14														1	.74	.53	-.37
15															1	.48	
16																1	-.55
17																	1

*) Перечень показателей тот же, что в табл.1.

Таблица 3

Взаимосвязь показателей тревожности*
у учащихся 7-8-х классов ($n=27$, $p \leq 0.05$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	1	.74	.76	.78	.57	.51	.60			.47	.57	.42	.66	.56	.59	.58	-.39
2		1	.72	.55		.48							.62	.45	.62	.58	
3			1	.67	.46	.41	.47				.45		.55	.43	.60	.44	
4				1	.76	.58	.72	.48		.56	.73	.45	.72	.72	.59	.60	-.41
5					1		.46	.39	.69	.60	.70	.45	.59	.71	.51		
6						1										.41	-.40
7							1	.42		.70	.44	.45	.59	.47	.52	.59	-.39
8								1				.47					
9									1			.40		.48			
10										1	.39	.43	.53	.56		.47	
11											1		.52	.70			
12												1	.48		.46	.46	
13													1	.88	.86	.89	
14														1	.62	.69	
15															1	.64	
16																1	
17																	1

*) Перечень показателей тот же, что в табл.1.

Таблица 4

Взаимосвязь показателей тревожности*
у учащихся 9-11-х классов ($n=31$, $p \leq 0.05$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	1																
2		1	.68														
3			1	.44	.48		.37										
4				1	.78	.72	.67	.69	.68	.67	.37	.50		.41			
5					1	.38	.48	.52	.72	.52	.44		.45	.50	.38	.41	
6						1	.66	.36	.47	.56		.58					
7							1		.54	.72		.61					
8								1	.41	.39	.49		.42	.48		.51	
9									1	.48		.44					.40
10										1		.51					
11											1		.52	.45	.51	.49	
12												1					
13													1				
14														1	.92	.92	.94
15															1	.76	.85
16																1	.77
17																	1

*) Перечень показателей тот же, что в табл. 1.

Сравнение данных, приведенных в табл. 2,3,4, показывает, что стабильно в трех группах учащихся коррелируют между собой, причем, в основном, на уровне $p \leq 0.001$ все показатели методики Кондаша-Прихожан. Это может говорить о том, что в данной методике очень сильно действует генеральный фактор тревожности G, тогда как влияние специфических факторов S выражено слабее. Также во всех трех группах коррелируют показатели личностной и реактивной тревожности по методике Спилбергера-Ханина (в выборке 5-6-х классов на уровне $p \leq 0.01$, на выборках 7-8-х и 9-11-х классов – на уровне $p \leq 0.001$).

Своеобразная динамика «корреляционного поведения» у показателей методики Филлипса. Из 36 возможных корреляционных связей показатели этой методики на выборке 5-6-х классов дают 22 статистически значимых связи (7 - на уровне $p \leq 0.05$, 7- на уровне $p \leq 0.01$, 8 - на уровне $p \leq 0.001$); на выборке 7-8-х классов – 21 статистически значимую связь (11 – на уровне $p \leq 0.05$, 3 – на уровне $p \leq 0.01$, 7 – на уровне $p \leq 0.001$); на выборке 9-11-х классов – 28 статистически значимых связей (7 - на уровне $p \leq 0.05$, 9 – на уровне $p \leq 0.01$, 12 – на уровне $p \leq 0.001$), то есть у старшеклассников наблюдается определенное усиление связей между показателями тревожности по методике Филлипса. Этот результат интересно сравнить с тем, как в разных группах уча-

щихся коррелируют между собой показатели двух методик – Филлипса и Кондаша-Прихожан: из 36 возможных корреляционных связей между показателями данных методик на выборке 5-6-х классов получено 15 статистически значимых связей (5 - на уровне $p \leq 0.05$, 10 - на уровне $p \leq 0.01$); на выборке 7-8-х классов – 21 статистически значимая связь (5 - на уровне $p \leq 0.05$, 7 - на уровне $p \leq 0.01$, 9 - на уровне $p \leq 0.001$); на выборке 9-11-х классов – 12 статистически значимых связей (4 - на уровне $p \leq 0.05$, 8 - на уровне $p \leq 0.01$). Как можно видеть из приведенных данных, у учащихся 7-8-х классов количество статистически значимых корреляций внутри методики Филлипса – 21 и между методиками Филлипса и Кондаша-Прихожан – 21, то есть, возможно, в этой выборке больше проявилось действие генерального фактора тревожности G, объединяющего показатели обеих методик, чем фактора S, специфического для каждой из методик. Напротив, в выборке 9-11-х классов намечается тенденция к усилению действия на показатели методик S фактора и определенное ослабление G фактора.

Аналогичная динамика проявления G и S факторов прослеживается и во взаимосвязях методик Кондаша-Прихожан и Филлипса с методиками Тейлор и Спилбергера-Ханина. Так, методика Кондаша-Прихожан из 12 возможных связей с показателями методик Тейлор и Спилбергера-Ханина на выборке 5-6-х классов при $p \leq 0.05$ дает 10 статистически значимых связей (из них 5 на уровне $p \leq 0.001$), на выборке 7-8-х классов при $p \leq 0.05$ – 12 статистически значимых связей (из них 5 на уровне $p \leq 0.001$), тогда как на выборке 9-11-х классов не получено ни одной статистически значимой связи между данными методиками. Показатели тревожности, выявляемые по разным методикам, как бы “отщепляются” друг от друга, демонстрируя свою специфическую динамику (действие фактора S). Это же можно сказать и о показателях реактивной и личностной тревожности по методике Спилбергера-Ханина, которые высоко коррелируя между собой у учащихся 9-11, в этой выборке наиболее слабо коррелируют с показателями методик Филлипса и Кондаша-Прихожан: личностная тревожность не дает ни одной статистически значимой связи с данными методиками, а реактивная тревожность дает 3 статистически значимые связи (2 - на уровне $p \leq 0.05$ и 1 - на уровне $p \leq 0.01$) только с показателями методики Филлипса. Показатель тревожности по методике Тейлор, который из 15 возможных связей с показателями других методик «на тревожность» ($p \leq 0.05$) на выборке 5-6-х классов дал 11 статистически значимых связей, на выборке 7-8-х классов – 13 связей, на выборке 9-11-х классов не обнаруживает вообще ни одной статистически значимой связи.

Сравнивая данные, полученные на трех выборках учащихся (табл. 2,3,4), с общей картиной корреляционных связей (табл. 1) можно отметить, что при увеличении выборки происходит естественная нейтрализация действия специфических для каждой из методик S-факторов и более явно начинает проявляться G-фактор (генеральный фактор тревожности), который, безусловно, всегда в той или иной мере оказывает влияние на показатели тревожности, обуславливая интегративную тенденцию в получаемых результатах, тогда как действие фактора S обуславливает тенденцию к дифференциации получаемых результатов.

Изучение тенденций интеграции и дифференциации в механизмах тревожности было продолжено в исследовании А. А. Соколовой, где также использовались методики Кондаша-Прихожан и Филлипса. В исследовании приняли участие 53 учащихся восьмых классов школы № 22 г. Екатеринбург в возрасте 13-14 лет (25 девочек и 28 мальчиков).

Результаты корреляционного анализа, полученные при исследовании тревожности по методикам Кондаша-Прихожан и Филлипса, приведены в табл.5.

Таблица 5

Корреляционные связи между показателями тревожности
у учащихся 13-14 лет ($p \leq 0,05$)

	Методика Кондаша-Прихожан				Методика Филлипса							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Методика Кондаша:												
1.Школьная тревожность												
2.Самооценочная тревожность	.77											
3.Межличностная тревожность	.62	.62										
4.Общая тревожность	.90	.90	.86									
Методика Филлипса												
5.Общая тревожность в школе	.67	.59	.58	.70								
6.Переживание социального стресса	.35	.40	.49	.47	.55							
7.Фрустрация потребности в достижении успеха	.34	.35	.33	.39	.57	.68						
8.Страх самовыражения	.35	.37	.58	.50	.52	.65	.40					
9.Страх ситуации проверки знаний	.62	.57	.46	.62	.83	.38	.44	.49				
10.Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	.53	.46	.47	.55	.56	.54	.62	.49	.46			
11.Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	.62	.51	.54	.63	.78	.40	.45	.48	.58	.50		
12.Проблемы и страхи в отношениях с учителями	.48	.41	.53	.54	.65	.67	.70	.56	.57	.48	.48	

Как можно видеть из табл.5, абсолютно все показатели тревожности статистически значимо положительно коррелируют между собой ($p \leq 0,05$). Из 66 возможных коэффициентов корреляции все 66

статистически значимы при $p \leq 0.05$; 64 коэффициента статистически значимы при $p \leq 0.01$; 54 коэффициента статистически значимы при $p \leq 0.001$. Коэффициенты корреляции внутри методики Кондаша варьируют от 0.62 до 0.90; внутри методики Филлипса – от 0.38 до 0.83; между показателями методик Кондаша и Филлипса – от 0.33 до 0.70.

При факторном анализе методом главных компонент выделился первый фактор (его вес 8.05), в который со значимыми весами (более .70) вошли общая тревожность (+.84), школьная тревожность (+.76), межличностная тревожность (+.75), самооценочная тревожность (+.72) (по Кондашу-Прихожан), общая тревожность в школе (+.85), низкая физиологическая сопротивляемость стрессу (+.74), проблемы и страхи в отношениях с учителями (+.73), страх ситуаций проверки знаний (+.71) (по Филлипсу). Оставшиеся четыре показателя тревожности по Филлипсу обнаружили тенденцию к вхождению в данный фактор с весами более +.60. Это свидетельствует о том, что различные показатели данных двух методик, действительно являются проявлением одного и того же интегрального свойства тревожности. В то же время, коэффициенты корреляции различаются по величине, особенно внутри методики Филлипса и между методиками. Это является проявлением тенденции к внутренней дифференциации механизмов тревожности.

В исследовании Н. А. Рсутовой рассматривалась динамика показателей тревожности у студентов-психологов 1-4 курсов вечерней формы обучения с частичным возмещением затрат. Объем выборки составил 96 человек, из них студенты 1 курса – 24 чел., 2 курса – 24 чел., 3 курса – 25 чел., 4 курса – 23 чел. Использовались методики Айзенка (показатель «нейротизм»), шкала тревожность Тейлор, шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, опросник тревожности Норакидзе (модификация шкалы Тейлор), методика определения уровня депрессии, фактор О по методике 16 PF Кеттелла.

Полученные корреляционные связи между показателями тревожности на выборках разных курсов представлены в табл.6,7,8,9.

Таблица 6

Взаимосвязи между показателями тревожности
у студентов 1 курса ($n=24$, $p \leq 0.05$)

	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Нейр.	1						
Тейл.	.73	1					
ЛТ	.59	.59	1				
РТ	.40	.46	.60	1			
Т. Нор	.73	.88	.54	.54	1		
Ур.д	.50		.43	.54		1	
О		.48	.44		.41		1

Таблица 7

Взаимосвязь показателей тревожности
у студентов 2 курса ($n=24$, $p \leq 0.05$)

	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Нейр.	1						
Тейл.	.80	1					
ЛТ	.46	.47	1				
РТ	.55	.52	.55	1			
Т. Нор	.84	.94	.41	.48	1		
Ур.д	.57	.56	.52	.63	.49	1	
О	.41						1

Таблица 8

Взаимосвязь показателей тревожности
у студентов 3 курса ($n=25$, $p \leq 0.05$)

	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Нейр.	1						
Тейл.	.74	1					
ЛТ	.55	.41	1				
РТ	.63	.89	.48	1			
Т. Нор	.62	.91		.84	1		
Ур.д	.48	.47		.50		1	
О	.72	.75	.49	.63	.72	.50	1

Таблица 9

Взаимосвязь показателей тревожности
у студентов 4 курса ($n=23$, $p \leq 0.05$)

	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Нейр.	1						
Тейл.	.87	1					
ЛТ	.77	.79	1				
РТ	.63	.59	.75	1			
Т. Нор	.84	.90	.70	.52	1		
Ур.д	.65	.64	.69	.60	.66	1	
О	.47	.44	.48		.43	.43	1

Как можно видеть из представленных таблиц, общее число статистически значимых корреляционных связей между различными показателями тревожности достаточно велико и плавно нарастает от 1-ого к 4-му курсу от 16 до 20 (из 21 возможной связи), то есть у студентов платной формы обучения показатели тревожности являются относительно интегрированными (проявление генерального фактора тревожности – G), причем к 4-му курсу действие этих интегративных тенденций определенным образом усиливается. Наибольшей стабильностью «кор-

реляционного поведения» отличаются показатели нейротизма по Айзенку и тревожности по шкале Тейлор, демонстрирующие во всех выборках большое число связей с показателями других методик «на тревожность», поэтому вероятно, что действие генерального фактора тревожности G в наибольшей степени проявляется именно в данных методиках. Достаточно близко к ним примыкают показатели личностной тревожности и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину и тревожности по шкале Норакидзе. Более явным действием фактора S характеризуются на данных выборках показатели уровня депрессии и, особенно, фактора O по Кеттеллу. Количество статистически значимых связей у данного показателя O с другими показателями тревожности варьирует от 1 из 6 возможных на 2-ом курсе (с нейротизмом при $p \leq 0.05$), до 6 на 3-ем курсе (из них 1 связь значима на уровне $p \leq 0.05$, 1 связь – на уровне $p \leq 0.01$ и 4 связи статистически значимы на уровне $p \leq 0.001$). Особое «корреляционное поведение» фактора O по Кеттеллу в ряду других показателей тревожности уже отмечалось в предыдущих наших исследованиях [3,6].

Если на основании полученных данных расположить использованные в данном исследовании методики изучения тревожности вдоль оси G-----S, то получится такая предварительная картина: G --- нейротизм по Айзенку ---- тревожность по Тейлор ---- личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину---тревожность по Норакидзе---- реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину -----уровень депрессии ----- фактор O по Кеттеллу-----S.

Обратившись к ранее опубликованным нами материалам, полученным на выборках студентов-психологов 2-4-х курсов дневного отделения госбюджетной формы обучения, где использовался сходный набор методик (исключая шкалу Норакидзе) [3], можно также расположить методики вдоль оси G-----S: G ---- тревожность по Тейлор --- нейротизм по Айзенку ---- личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину-----уровень депрессии ---реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину ----- фактор O по Кеттеллу-----S. Сравнивая эти последовательности, можно видеть, что методики как бы распадается на два блока: 1) тревожность по Тейлор, нейротизм по Айзенку, личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину (сюда же примыкает и показатель тревожности по шкале Норакидзе, содержащей в своей основе шкалу Тейлор, а потому высоко коррелирующей с ней), которые наиболее нагружены фактором G, что как правило проявляется в стабильно высоких и достоверных коэффициентах корреляции между данными показателями (последовательность показателей в данном

блоке для конкретных выборок может варьировать); 2) уровень депрессии, реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину, фактор О по Кеттеллу, в которых, вероятно, достаточно сильно сказываются разнонаправленные влияния специфических S-факторов тревожности, различных в разных методиках, что может приводить как к очень высоким корреляциям с показателями методик первого и второго блоков, так и к полному отсутствию значимых корреляций с теми или иными показателями других методик “на тревожность”, что можно наблюдать в рассмотренных выше материалах.

Л. В. Воронина провела исследование на 40 учителях школы №4 г. Екатеринбурга. Использовались те же методики, что и в исследовании Н. А. Реутовой. Результаты корреляционного анализа показателей тревожности по разным методикам представлены в табл. 10.

Таблица 10

Взаимосвязь показателей тревожности у учителей
($n=40$, $p \leq 0.05$)

	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Нейр.	1						
Тейл.	.77	1					
ЛТ	.77	.64	1				
РТ	.57	.49	.76	1			
Т. Нор	.80	.93	.79	.58	1		
Ур.д	.64	.68	.84	.70	.77	1	
О	.39	.51	.61	.45	.62	.52	1

Из табл. 10 видно, что у учителей абсолютно все показатели тревожности по различным методикам статистически значимо коррелируют между собой. Из 21 возможной и реально проявившейся связи 1 связь значима на уровне $p \leq 0.05$ (между фактором О по Кеттеллу и нейротизмом), 2 связи значимы на уровне $p \leq 0.01$ (между реактивной тревожностью по Спилбергеру-Ханину, с одной стороны, и фактором О по Кеттеллу и тревожностью по шкале Тейлор, с другой), тогда как 18 оставшихся связей значимы на уровне $p \leq 0.001$.

Если сравнить эти данные с приведенными выше данными по студентам-психологам 4-го курса, то можно отметить в выборке зрелых, профессионально определившихся педагогов еще более выраженную тенденцию к интеграции различных показателей тревожности, еще более явное влияние генерального фактора тревожности G на показатели тревожности, определяемые по разным методикам. В то же время, пусть менее явно, но просматривается действие специфического фактора S в “корреляционном поведении” фактора О по Кеттеллу и

показателя реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину (более низкие уровни значимости у ряда коэффициентов корреляции). В силу наличия у остальных показателей высокосignальных корреляций между собой установить четко их последовательность на оси G----S сложно, но то, что тревожность по Тейлор, личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину, нейротизм по Айзенку и тревожность по Норакидзс остаются в первом блоке, более тесно связанном с генеральным фактором тревожности G, очевидно. Показатель уровня депрессии, "корреляционное поведение" которого в разных выборках варьирует, в рассматриваемом случае на фоне характерного для данной выборки усиления действия интеграционных механизмов, в большей мере "ведет себя" сходным с показателями первого блока образом, то есть иначе, нежели показатели реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину и фактор О по Кеттеллу, демонстрирующие более выраженное влияние S-фактора.

В исследовании Е. В. Горшковой, также проведенном на учителях (60 чел.), использовалось несколько показателей тревожности (личностная и реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину, фактор О по Кеттеллу и «вторичная тревожность» по Кеттеллу), корреляционные связи между которыми представлены на табл. 11,12,13,14,15.

Таблица 11

Взаимосвязь показателей тревожности
в общей выборке учителей (n=60, p≤0.05)

	ЛТ	РТ	О (Кетт.)	«Втор. трев». (Кетт.)
ЛТ	1			
РТ	.50	1		
О	.29	.28	1	
«Втор.трев.»	.39	.32	.72	1

Как можно видеть из данной таблицы, все использованные показатели тревожности статистически достоверно коррелируют между собой. При этом показатели О и «вторичной тревожности» по Кеттеллу закономерно высоко коррелируют ($p \leq 0.001$), поскольку при расчетах «вторичной тревожности» фактор О входит в нее как составная часть. Также высоко достоверно ($p \leq 0.001$) коррелируют между собой и показатели личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину. В то же время, взаимосвязи между методиками менее тесные. Показатели личностной тревожности по Спилбергеру-Ханину и «вторичной тревожности» по Кеттеллу значимо коррелируют при $p \leq 0.01$, что говорит о достаточно выраженном действии на данные показатели

генерального фактора тревожности G, а фактор О по Кеттеллу и реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину коррелируют с оставшимися показателями только при $p \leq 0.05$, что еще раз подчеркивает более выраженное в данных показателях действие специфических факторов тревожности S.

Если данную выборку разбить на две части – на выборку учителей районных общеобразовательных школ и выборку учителей «элитарных» школ, то получится следующая картина.

Таблица 12

Взаимосвязь показателей тревожности
в выборке учителей районных общеобразовательных школ
($n=45$, $p \leq 0.001$)

	ЛТ	РТ	О (Кетт.)	«Втор. Трев». (Кетт.)
ЛТ	1			
РТ	.47	1		
О			1	
«Втор.трев.»			.75	1

Таблица 13

Взаимосвязь показателей тревожности
в выборке учителей «элитарных» школ ($n=15$, $p \leq 0.05$)

	ЛТ	РТ	О (Кетт.)	«Втор. Трев». (Кетт.)
ЛТ	1			
РТ	.56	1		
О	.58		1	
«Втор.трев.»	.62		.61	1

Как видно из таблиц 12 и 13, во всех случаях сохраняются статистически значимые связи между показателями тревожности внутри рассматриваемых методик. В то же время, у учителей районных школ, несмотря на то, что эта часть выборки больше, чем часть выборки учителей «элитарных» школ, показатели тревожности из разных методик не обнаружили статистически значимых корреляций. Это может являться свидетельством действия групповых факторов тревожности, связанных как с различиями между выборками испытуемых, так и с различиями между методиками, обусловленными, возможно, различиями в тех имплицитных теориях тревожности, из которых исходили авторы, конструируя методики, не всегда четко эксплицируя эти теории в своих научных трудах. В отличие от выборки учителей районных общеобразовательных школ, у учителей «элитарных» школ обнаружилось «расщепление» показателей личностной и реактивной тревожности по Спилберге-

ру-Ханину: показатель личностной тревожности дает статистически значимые корреляции с фактором О и «вторичной тревожностью» по Кеттеллу, а показатель реактивной тревожности значимых связей не обнаруживает. Это может рассматриваться как проявление уже не групповых, а собственно специфических факторов тревожности. То есть, при рассмотрении «корреляционного поведения» различных показателей тревожности обнаружение статистически достоверных связей между различными методиками свидетельствует о действии генерального фактора тревожности; наличие значимых корреляций внутри методик, но их отсутствие между показателями различных методик говорит о возможном действии групповых факторов, отличающихся у разных методик, наконец, различное «корреляционное поведение» показателей тревожности из одной методики во взаимодействии с показателями тревожности из других методик является отражением действия специфических факторов тревожности.

В исследовании Е. В. Горшковой был также проведен сравнительный анализ «корреляционного поведения» показателей тревожности в выборке учителей в возрасте до 35 лет (19 чел.) и от 35 до 45 лет (20 чел.). Было выявлено нарастание интегративной тенденции в более старшей возрастной группе (табл. 14,15).

Таблица 14

Взаимосвязь показателей тревожности
в выборке учителей в возрасте до 35 лет ($n=19$, $p \leq 0.05$)

	ЛГ	РТ	О (Кетт.)	«Втор. трев». (Кетт.)
ЛГ	1			
РТ		1		
О			1	
«Втор. трев.»			.55	1

Таблица 15

Взаимосвязь показателей тревожности
в выборке учителей в возрасте от 35 до 45 лет ($n=20$, $p \leq 0.05$)

	ЛГ	РТ	О (Кетт.)	«Втор. трев». (Кетт.)
ЛГ	1			
РТ	.60	1		
О	.59		1	
«Втор. трев.»	.62	.49	.73	1

Если на выборке учителей до 35 лет более выраженным было действие групповых и специфических факторов, что проявилось в наличии всего одного статистически достоверного ($p \leq 0.05$) коэффициента корреляции между «вторичной тревожностью» и фактором О, входящим в этот показатель как его составная часть, то на выборке учителей в возрасте от 35 до 45 лет из 6 возможных связей значимы 5: более выраженной ($p \leq 0.001$) становится связь фактора О и «вторичной тревожности» по Кеттеллу; появляется значимая связь ($p \leq 0.01$) между личностной и реактивной тревожностью по Спилбергеру-Ханину); личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину начинает коррелировать ($p \leq 0.01$) с «вторичной тревожностью» по Кеттеллу; в то же время, в определенной степени сохраняется специфическое поведение фактора О по Кеттеллу и, особенно, реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину.

Таким образом, рассматривая тревожность с позиции объектоцентрического подхода, то есть как некоторый объект изучения, представляющий собой механизмы реагирования людей на ситуации угрожающей (реальной или воображаемой) опасности, механизмы, подчиняющиеся своим специфическим закономерностям развития и функционирования, можно отметить, что а) эти механизмы находятся под действием тенденций интеграции и дифференциации; б) доминирование той или другой тенденции обусловлено соотношением влияния генерального фактора тревожности и групповых и специфических факторов; в) имеется возрастная динамика в проявлении тенденций интеграции и дифференциации и влияниях генерального, групповых и специфических факторов тревожности.

2. Исследование тревожности с позиции антропоцентрического подхода

Антропоцентрический подход предполагает рассмотрение тревожности не обезличенно, не как некоего объекта, существующего относительно самостоятельно, имеющего определенную динамику своего развития, находящегося под действием общих, интегративных и специфических, приводящих к внутренней дифференциации, факторов, в той или иной форме проявляющихся при использовании различных методов его исследования, как это имеет место в рамках объектоцентрического подхода, а как свойства человека – свойства, которое находится во взаимосвязи с другими его свойствами, испытывает на себе их влияние и само, в свою очередь, находится под их влиянием. Если объектоцентрическая ориентация реализуется прежде всего в общепсихологическом

аспекте, то антропоцентрическая ориентация реализуется в дифференциально-психологическом аспекте, когда исследователей интересует не тревожность «вообще», а специфические проявления тревожности у конкретных людей, то есть индивидуальные различия между людьми по особенностям их тревожности, типы людей, различающиеся в зависимости от их тревожности, возрастная динамика развития тревожности во взаимосвязи и взаимозависимости с другими свойствами людей.

В рассматриваемом аспекте в исследованиях, выполненных под нашим руководством, изучались взаимосвязи тревожности (квазитревожности) с рядом свойств человека, таких как эмоциональная устойчивость, стрессоустойчивость, локус контроля (интернальность), самоотношение, интеллект (общий и социальный), успеваемость (у школьников), возраст, стаж работы. Безусловно, это лишь малая часть свойств человека, так или иначе влияющих на особенности его тревожности. Перечисленные свойства стоят в различном отношении к тревожности, что позволяет объединить их в блоки свойств, по-разному влияющих на интегральное свойство тревожности и ее психометрические и жизненные проявления: 1) эмоциональная устойчивость и стрессоустойчивость; 2) самоотношение и локус контроля (интернальность); 3) интеллект и успеваемость (у школьников); 4) возраст и стаж работы. Данные блоки свойств в некотором приближении могут быть соотнесены с рассмотрением человека как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности.

Можно предположить, что эти различные блоки свойств стоят в разном отношении к рассмотренным выше (при объектоцентрическом анализе тревожности) генеральному фактору тревожности (G), групповым и специфическим факторам тревожности (S): свойства первого блока связаны в наибольшей степени с G-фактором, а затем от первого блока к четвертому связь с G-фактором ослабевает и нарастает связь с S-факторами. Другими словами, влияние свойств первого и, в значительной мере, второго блоков может рассматриваться в качестве G-фактора тревожности, интегрирующего, объединяющего в единую систему ее механизмы, становящегося тем стержнем, вокруг которого формируется тревожность как системное качество человека. Влияния свойств третьего и четвертого блоков могут рассматриваться в качестве S-факторов тревожности, вносящих разнообразие в ее проявления, отвечающих за широкую вариативность механизмов тревожности, но не относящихся непосредственно к «тревогообразующим» механизмам.

Следует отметить, что наряду с теми свойствами, которые были взяты для изучения в наших исследованиях, из анализа литературы

можно получить информацию и о других свойствах, вносящих свой вклад в механизмы тревожности. Речь идет прежде всего об исследовании взаимосвязей показателей внутри методики Кеттелла, где наряду с фактором О, наиболее непосредственно, хотя и специфически, связанным с тревожностью, выделяется еще показатель «вторичной тревожности», где в ее расчеты с различными коэффициентами входят, кроме фактора О, данные по факторам С, Н, L, Q3, Q4, представляющим иные свойства человека. Возможно, что эти свойства также входят в блоки 1 и 2, образуя внутри них определенные подструктуры. То же можно сказать и про исследования К. Изарда, где выделяется ряд свойств эмоционального плана, обуславливающих тревожность человека.

2.1. Взаимосвязь тревожности с эмоциональной устойчивостью и стрессоустойчивостью

Взаимосвязь тревожности с эмоциональной устойчивостью

В наших исследованиях было выдвинуто предположение, что такие входящие в первый блок свойства человека, как “эмоциональная устойчивость” и “стрессоустойчивость”, в значительной степени обуславливающие эмоциональные и организмические реакции человека в ситуации реального воздействия опасного для человека (как индивида, личности или субъекта деятельности) фактора, оказывают большое влияние на формирование механизмов тревожности. Данные свойства показывают, насколько эффективно человек может справиться с уже имеющейся место ситуацией, угрожающей его жизни и благополучию. Тревожность же характеризует эмоциональные и другие реакции человека в ситуации не реальной, а ожидаемой угрозы, которая потом может иметь место, и тогда человек будет реагировать в соответствии со сложившимися у него механизмами “стрессоустойчивости” и “эмоциональной устойчивости”, так и не иметь места. Указания на наличие взаимосвязи “эмоциональной устойчивости” и “стрессоустойчивости” можно найти в работах по проблемам стресса.

В большинстве наших исследований, которые были рассмотрены выше, использовался тест 16 PF Кеттелла, где имеется фактор С («эмоциональная неустойчивость-эмоциональная устойчивость»), что позволяет проанализировать связи данного показателя с показателями тревожности, выявляемыми с помощью различных методик.

Н. А. Реутова получила следующие результаты на студентах-психологах 1-4-х курсов (табл.16).

Таблица 16

Взаимосвязь показателей тревожности и эмоциональной
устойчивости у студентов 1-4-х курсов ($p \leq 0.05$)

С	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
1 курс n=24	-.52	-.49	-.49		-.52		-.40
2 курс n=24	-.45	-.42		-.49			-.52
3 курс n=25	-.70	-.60	-.45	-.48	-.47	-.54	-.75
4 курс n=23	-.45	-.58	-.46	-.46	-.46		

Как видно из табл. 16, эмоциональная устойчивость (фактор С по Кеттеллу) дает довольно много статистически значимых связей с показателями тревожности по различным методикам. При этом у студентов всех курсов обнаруживаются стабильно значимые связи фактора С с нейротизмом по Айзенку и тревожностью по шкале Тейлор. По четырем показателям тревожности на каком-то одном из курсов статистически значимые связи с эмоциональной устойчивостью отсутствуют, что может говорить о большем влиянии на эти показатели наряду с эмоциональной устойчивостью каких-то иных свойств человека. Наконец, уровень депрессии дает только одну значимую связь с эмоциональной устойчивостью - на третьем курсе, где, возможно, имеет место усиление интеграционных процессов, нарастание действия G-фактора.

Аналогичное исследование, проведенное Л.В. Ворониной, позволило выявить особенности связи тревожности с эмоциональной устойчивостью у учителей (табл. 17).

Таблица 17

Взаимосвязь показателей тревожности и эмоциональной
устойчивости у учителей (n=40, $p \leq 0.01$)

С	Нейро- тизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Учителя	-.57	-.71	-.56	-.48	-.74	-.54	-.55

Из таблицы видно, что у учителей связь показателей тревожности с эмоциональной устойчивостью еще более выражена, причем только одна связь - между эмоциональной устойчивостью и реактивной тревожностью по Спилбергеру-Ханину значима при $p \leq 0.01$, все ос-

тальные связи значимы при $p \leq 0.001$. Это говорит об усилении интегративных процессов в функционировании механизмов тревожности, о консолидации их вокруг генерального фактора тревожности G.

В исследовании Е. В. Горшковой, проведенном на 60 учителях, где использовались методики Спилбергера-Ханина и Кеттелла, были получены следующие результаты (табл. 18).

Таблица 18

Взаимосвязь показателей тревожности
и эмоциональной устойчивости у учителей ($p \leq 0.05$)

С	ЛТ	РТ	О (Кеттелл.)	«Вторичная» (Кеттелл)
Учителя (n=60)	-.34	-.29	-.63	-.75
Учит. общ. школ (n=45)			-.69	-.84
Учит. элит. школ (n=15)	-.71	-.54		

Как можно видеть, на общей выборке учителей все из использованных показателей тревожности оказались связанными с эмоциональной устойчивостью: реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину при $p \leq 0.05$, личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину при $p \leq 0.01$, фактор О по Кеттеллу и вторичный показатель тревожности (определяемый с учетом фактора О и ряда других факторов теста Кеттелла) при $p \leq 0.001$. Явно прослеживается, что показатель О (а в связи с этим и вторичный показатель тревожности, в который фактор О вносит свою существенную лепту) очень изменчив по отношению к фактору С: он может находиться как в очень тесной связи с фактором С, так и быть от него относительно независимым. Это соответствует тому, что получено на студенческих выборках (табл. 16): на третьем курсе связь фактора О с фактором С достоверна при $p \leq 0.001$, а на четвертом курсе связь между этими показателями вообще отсутствует.

Все это еще раз подтверждает, что показатель О по Кеттеллу находится под очень сильным влиянием S-фактора, сквозь который G-фактор иногда четко проявляется, иногда – нет. При разделении выборки на две подвыборки – “учителей обычных районных школ” и “учителей “элитарных” школ” (табл. 18) - картина взаимосвязей показателей тревожности с эмоциональной устойчивостью меняется, действие групповых факторов проявляется как по отношению в показателям методики Кеттелла, так и по отношению к показателям личностной и реактивной тревожности по методике Спилбергера-Ханина.

Полученные данные ставят еще один вопрос: не сталкиваемся ли мы в данном случае с тем, что под названиями «эмоциональная устойчивость», «нейротизм», «тревожность» и др. в различных методиках проявляется действие одного и того же свойства человека, одной и той же функциональной системы, одних и тех же механизмов. Другими словами, встает вопрос, как различить, имеем ли мы дело в случае высоких корреляций с проявлениями одного и того же механизма или с воздействием друг на друга разных механизмов.

Взаимосвязь тревожности со стрессоустойчивостью

Наряду с эмоциональной устойчивостью, были рассмотрены взаимосвязи показателей методик «на тревожность» с показателем стрессоустойчивости. В исследовании Л.В. Карапетян на выборке 102 преподавателей педагогических колледжей г. Екатеринбурга были полученные данные о взаимосвязи тревожности и стрессоустойчивости [4].

В данном исследовании стрессоустойчивость преподавателей педагогического колледжа оценивалась на основе опросника для выявления стрессоустойчивости, разработанного С.В. Субботиным [11]. Для исследования тревожности использовались методики: опросник самооценки психических состояний Г. Айзенка; шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина; опросник Р. Кеттелла 16 PF; опросник структуры темперамента В.М. Русалова. Представим полученные статистически значимые ($p \leq 0.05$) корреляционные связи в виде таблицы (табл. 19).

Таблица 19

Корреляционные связи показателей стрессоустойчивости и тревожности у преподавателей педагогического колледжа ($n=102$, $p \leq 0.05$)

		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Стрессоуст.	1							
2	Тревожность(Айзенк)	.57	1						
3	Фрустрация (Айзенк)	.42	.52	1					
4	Реактивная тревожность	.31	.25	.32	1				
5	Личностная тревожность	.53	.65	.48	.47	1			
6	Предметн. эмоциональность	.42	.52	.31		.49	1		
7	Социальная эмоциональность	.43	.51			.40	.57	1	
8	Эм.устойч. С (Кеттелл)	-.37				-.29		-.25	1

Как можно видеть из данной таблицы, два показателя “Стрессоустойчивость” и “Личностная тревожность” оказываются связанными со всеми остальными семью показателями. При этом показатель “Стрессоустойчивость” дает шесть связей на уровне $p \leq 0.001$ и одну на уровне $p \leq 0.01$ и показатель “Личностная тревожность” также дает шесть связей на уровне $p \leq 0.001$ и одну связь на уровне $p \leq 0.01$. Показатель “Тревожности” (по Айзенку) обнаружил 6 связей (5 на уровне $p \leq 0.001$ и 1 на уровне $p \leq 0.05$); показатель “Фрустрации” – 5 связей (4 на уровне $p \leq 0.001$ и 1 на уровне $p \leq 0.01$); показатель “Предметная эмоциональность” – 5 связей (4 на уровне $p \leq 0.001$ и 1 на уровне $p \leq 0.01$); показатель “Социальная эмоциональность” – 5 связей (4 значимы на уровне $p \leq 0.001$ и 1 на уровне $p \leq 0.05$); показатель “Реактивная тревожность” – 4 связи (2 на уровне $p \leq 0.001$, в том числе, с “Личностной тревожностью”, 1 на уровне $p \leq 0.01$ и 1 на уровне $p \leq 0.05$); показатель “Эмоциональная устойчивость” (по Кеттеллу) – 3 связи (1 на уровне $p \leq 0.001$ – со “Стрессоустойчивостью”, 1 на уровне $p \leq 0.01$ – с “Личностной тревожностью”, 1 на уровне $p \leq 0.05$). Отметим также, что фактор О по Кеттеллу статистически значимых связей с показателем стрессоустойчивости не обнаружил (поэтому в таблицу не включен).

Как можно видеть из приведенных данных, действие факторов интеграции (присутствие генерального G-фактора общей тревожности) явно имеет место, причем в наибольшей степени он действует через показатели “Стрессоустойчивости”, по Субботину, и “Личностной тревожности”, по Спилбергеру-Ханину, в достаточной мере действие данного фактора проявляется и в показателе “Тревожность” по Айзенку. Напротив, показатели “Реактивной тревожности” по Спилбергеру-Ханину, и “Эмоциональной устойчивости” по Кеттеллу, с вышеупомянутыми показателями взаимодействуют на основе присутствия в них G-фактора, а между собой и с рядом других показателей – на основе S-факторов (тут может иметь место уже рассматривавшаяся нами ситуация [3], где либо в разных методиках оказываются упомянутыми разные тревожащие ситуации, либо формулировки вопросов могут по-разному истолковываться разными испытуемыми в отличие от формулировок вопросов по тем показателям, которые демонстрируют действие G-фактора).

Действие факторов, влияющих на тревожность и стрессоустойчивость, можно изучать и через корреляции с показателями других методик. В работе Л. В. Карапетян был использован целый ряд методик, в частности, батарея методик, разработанная в Уфимской

нейропедагогической школе под руководством Г. А. Аминев [10]. В целом, показатель “Стрессоустойчивость”, который был основным в этом исследовании [4], дал 55 статистически значимых корреляций с показателями различных методик (включая и уже рассмотренные показатели, связанные с тревожностью). Если проанализировать, как с этими 55-ю показателями коррелируют ($p \leq 0.05$) сами показатели тревожности, то получится следующая картина: показатель “Личностная тревожность” из 55-и показателей связан с 33-мя; показатель “Тревожность” (по Айзенку) – с 26-ю; показатель “Эмоциональная устойчивость” (по Кеттеллу) – с 23-мя; показатель “Фрустрация” (по Айзенку) – с 16-ю; показатель “Предметная эмоциональность” – с 16-ю; показатель “Реактивная тревожность” – с 12-ю; показатель “Социальная эмоциональность” – с 11-ю. Безусловно, рассматриваемые показатели тревожности дали большее число связей с показателями различных методик, чем указано выше, но нас в данном случае интересовало “корреляционное поведение” различных показателей тревожности в сравнении с “корреляционным поведением” показателя “Стрессоустойчивость”, поэтому рассматривались связи показателей тревожности только с теми 55-ю показателями, с которыми показатель стрессоустойчивости обнаружил статистически значимые связи. Эти данные показывают, что даже у высоко коррелирующих между собой показателей (влияние G-фактора) действие S-факторов может быть обнаружено через анализ взаимосвязей с показателями по другим свойствам.

2.2. Взаимосвязь тревожности с самооценкой и локусом контроля

Можно предположить, что тревожность зависит от определенной интергации различных свойств человека, среди которых в наших исследованиях изучались самооценка и локус контроля. При негативном самооценке и экстернальном локусе контроля наиболее высока вероятность развития тревожности как черты личности. В свою очередь, сформировавшаяся тревожность приводит к дальнейшему усилению негативного самооценки и повышению уровня экстернальности локуса контроля.

Взаимосвязь тревожности с самооценкой

Возникает вопрос, какие качества человека выполняют по отношению к механизмам его тревожного реагирования интегрирующую функцию, а какие – дифференцирующую. Что делает

человека тревожным, какие люди склонны быть более тревожными, чем окружающие? Было выдвинуто предположение, что формирование механизмов тревожности связано с формированием самооотношения, причем влияние каких-то одних аспектов самооотношения может обуславливать развитие механизмов тревожности как единых, интегрированных в целостную систему, а влияние других аспектов самооотношения может вести к внутренней дифференциации механизмов тревожности, возникновению специфических форм ее проявления в различных жизненных ситуациях.

Проверка этого предположения осуществлялась А. А. Соколовой с помощью методики исследования самооотношения (МИС) С. Р. Пантеева на 53 учащихся восьмых классов в возрасте 13-14 лет. Первоначально был проведен корреляционный анализ между показателями внутри данной методики, результаты которого представлены на рис. 1.

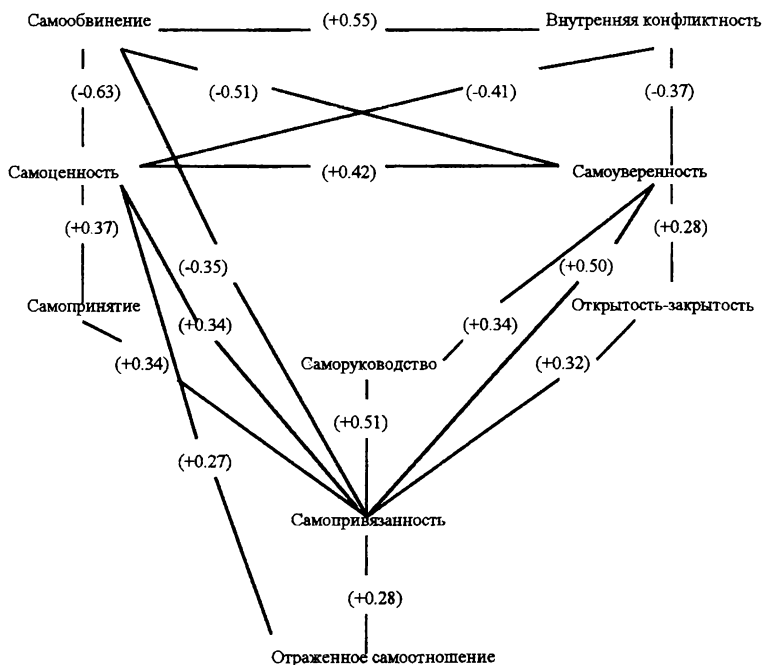

Рис. 1. Корреляционные связи между показателями самооотношения ($p \leq 0.05$)

Как можно видеть, с одной стороны, все девять показателей методики МИС в той или иной мере включены в корреляционные связи, но с другой стороны, из 36 возможных коэффициентов корреляции стати-

стически достоверными ($p \leq 0.05$) являются только 17. Количество статистически значимых связей (см. табл. 21) варьирует от двух (у показателей “Отраженное самоотношение”, “Самопринятие”, “Открытость-закрытость”, “Саморуководство”) до семи (у показателя “Самопривязанность”). “Самоценность” и “Самоуверенность” дают по 6 связей, “Самообвинение” – 4 связи, “Внутренняя конфликтность” – 3 связи. Числовые значения коэффициентов корреляции варьируют от 0.27 (между “Отраженным самоотношением” и “Самопривязанностью”) до 0.63 (отрицательная корреляция между “Самообвинением” и “Самоценностью”). Все сказанное позволяет сделать вывод, что внутри показателей методики МИС достаточно сильно влияние фактора дифференциации (дифференциация механизмов самоотношения, связанных с различными аспектами жизни человека).

Таблица 21

Количество связей, обнаруженных между показателями самоотношения ($p \leq 0.05$) по методике МИС (в % от возможного числа связей в методике)

	Методика исследования самоотношения	Число значимых связей	%
1.	Самопривязанность	7	87,5%
2.	Самоценность	6	75 %
3.	Самоуверенность	6	75 %
4.	Самообвинение	4	50 %
5.	Внутренняя конфликтность	3	37,5 %
6.	Самопринятие	2	25 %
7.	Саморуководство	2	25 %
8.	Открытость-закрытость	2	25 %
9.	Отраженное самоотношение	2	25%

Ядром корреляционной структуры является показатель “Самопривязанности”, который не дал статистически значимой связи только с “Внутренней конфликтностью”. К нему примыкают связанные с ним показатели “Самоуверенности” и “Самоценности”, образуя вместе центральный блок корреляционной структуры. Второй блок по степени интегрированности в корреляционную структуру включает показатели “Самообвинения” и “Внутренней конфликтности”. Третий блок образуют наименее интегрированные в корреляционную структуру показатели – “Самопринятие”, “Саморуководство”, “Открытость-закрытость”, “Отраженное самоотношение”.

Показатели самоотношения по методике МИС оказываются менее тесно связанными, чем показатели методик “на тревожность” Кондаша-Прихожан и Филлипса, полученные на той же выборке (см. табл. 5). Возможно, в данном случае мы сталкиваемся со специфическими возрастными особенностями детей-подростков 13-14 лет, когда

механизмы самоотношения являются “рыхлыми”, а обеспечивающие их функциональные системы недостаточно интегрированными в целостную систему, тогда как механизмы тревожности, напротив, более сильно взаимосвязаны между собой, образуя довольно интегрированную функциональную систему. Может быть и иная гипотеза, а именно, что различия в характере связей обусловлены особенностями самих методик: вопросы рассматриваемых методик “на тревожность” более близки со смыслом и относительно сходным образом интерпретируются испытуемыми, тогда как вопросы, касающиеся самоотношения, различаются в большей мере и еще более различно интерпретируются испытуемыми. Несмотря на это, мы предполагаем, что особенности самоотношения подростков в той или иной мере влияют на уровень их тревожности, поэтому рассмотрим взаимосвязи между показателями тревожности по методикам Кондаша-Прихожан и Филлипса и показателями самоотношения по методике МИС.

Наибольшее число связей – девять – обнаружилось ($p \leq 0.05$) у показателя “Внутренняя конфликтность”: по методике Кондаша со “Школьной тревожностью”(0.36), “Общей тревожностью” (0.33), “Межличностной тревожностью” (0.28); по методике Филлипса с “Низкой физиологической сопровствляемостью стрессу” (0.46), “Общей тревожностью в школе”(0.38), “Фрустрацией потребности в достижении успеха” (0.37), “Страхом не соответствовать ожиданиям окружающих”(0.37), “Переживанием социального стресса”(0.35), “Страхом самовыражения”(0.27).

Показатель “Самообвинение” оказался связан ($p \leq 0.05$) с шестью показателями: по методике Кондаша с “Межличностной тревожностью” (0.37), “Общей тревожностью” (0.34); по методике Филлипса с “Общей тревожностью в школе” (0.46), “Низкой физиологической сопротивляемостью стрессу” (0.41), “Страхом ситуаций проверки знаний” (0.30), “Проблемами и страхами в отношениях с учителями” (0.28).

Показатель “Самоуверенность” дал четыре связи ($p \leq 0.05$): по методике Кондаша с “Межличностной тревожностью” (-0.43), “Общей тревожностью” (-0.42), “Самооценочной тревожностью” (-0.42); по методике Филлипса с “Переживанием социального стресса” (-0.31).

Показатель “Открытость-закрытость” связан ($p \leq 0.05$) с пятью показателями только по методике Филлипса: с “Переживанием социального стресса” (-0.37), “Общей тревожностью в школе” (-.36), “Проблемами и страхами в отношениях с учителями” (-0.31), “Фрустрацией потребности в достижении успеха” (-0.29), “Страхом не соответствовать ожиданиям окружающих” (-0.28).

Показатель “Самоценность” связан ($p \leq 0.05$) всего с одним показателем методики Филлипса - “Общей тревожностью в школе” (-0,30).

Показатель “Самопринятие” также связан ($p \leq 0.05$) только с одним показателем методики Филлипса – “Страхом несоответствовать требованиям окружающих” (0,29).

Отметим, что все 12 показателей тревожности по методикам Кондаша-Прихожан и Филлипса обнаружили те или иные статистически значимые связи с показателями самоотношения, тогда как из 9 показателей самоотношения только 6 оказались связанными с показателями тревожности.

Общее число связей между показателями методики МИС и показателями тревожности по методикам Кондаша-Прихожан и Филлипса представлено в табл. 22.

Таблица 22

Количество связей показателей самоотношения по методике МИС с показателями тревожности по методикам Кондаша-Прихожан и Филлипса (в % от числа показателей в методиках)

	Методика исследования Самоотношения	Методика Кондаша	Методика Филлипса	Всего
1.	Внутренняя конфликтность	75 %	75 %	75 %
2.	Самообвинение	50 %	50 %	50 %
3.	Самоуверенность	75 %	12,5 %	33,3 %
4.	Открытость-закрытость	0	2,5 %	41,7 %
5.	Самоценность	0	12,5 %	8,3 %
6.	Самопринятие	0	12,5 %	8,3 %
7.	Саморуководство	0	0	0
8.	Самопривязанность	0	0	0
9.	Отраженное самоотношение	0	0	0

Как можно видеть, различные показатели методики МИС находятся в разном отношении к показателям методик “на тревожность”. Фактически просматривается четыре блока показателей самоотношения, по-разному связанных с показателями тревожности (рис. 2).

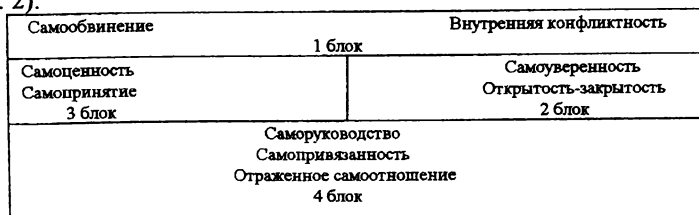

Рис. 2. Блоки показателей самоотношения в зависимости от степени их связанности с показателями тревожности

Первый блок включает “Внутреннюю конфликтность” и “Самообвинение”. Эти два показателя наиболее тесно и сходным образом связаны с показателями двух рассматриваемых методик, адресованных к тревожности. Второй блок – “Самоуверенность” и “Открытость-закрытость” – характеризуется тем, что эти показатели различным образом связаны с каждой из рассматриваемых методик “на тревожность”: самоуверенность более связана с тревожностью по Кондашу-Прихожан, а открытость-закрытость – с тревожностью по Филлипсу. Третий блок, включающий “Самоценность” и “Самопринятие”, дал мало связей и только с показателями тревожности по методике Филлипса, совсем не обнаружив связей с тревожностью по Кондашу-Прихожан. Наконец, четвертый блок показателей самоотношения – “Саморуководство”, “Самопривязанность”, “Открытость-закрытость” и “Отраженное самоотношение” вообще не обнаружил статистически значимых связей с показателями тревожности ни по одной из методик.

Отметим также, что показатель “Внутренняя конфликтность” из 9 статистически значимых связей дал с показателями тревожности 1 связь на уровне значимости $p \leq 0.001$, 5 связей на уровне $p \leq 0.01$ и 3 связи на уровне $p \leq 0.05$. У показателя “Самообвинение” из 6 статистически значимых связей 1 связь значима на уровне $p \leq 0.001$, 2 связи значимы на уровне $p \leq 0.01$, 3 связи – на уровне $p \leq 0.05$. Эти результаты подтверждают полученные в литературе данные о связях данных показателей самоотношения с показателями тревожности. Например, в работе Т. Ю. Артюховой, где для исследования тревожности у студентов использовалась методика Спилбергер-Ханина, была “выявлена высокосignифиcantная зависимость: ситуативная тревожность – внутренний конфликт (при $p \leq 0.001$), ситуативная тревожность – самообвинение (при $p \leq 0.001$)” [1, с. 13].

Из рис. 2. и табл. 22. видно, что блоки показателей самоотношения, выделенные в зависимости от их связи с показателями тревожности, отличаются от блоков, характеризующих взаимосвязи внутри методики МИС. Ядерный для методики МИС показатель “Самопривязанности” вообще не дал статистически значимых связей с показателями тревожности. Множественные связи показателей “Внутренней конфликтности” и “Самообвинения” с показателями методик “на тревожность” позволяют предположить, с одной стороны, что показатели тревожности, возможно, зависят от данных параметров самоотношения, а с другой стороны, не исключено и то, что в методику “на самоотношение” просто “просочились” (через содержание

задаваемых вопросов и под другими названиями) механизмы тревожности наряду с механизмами самоотношения как такового. То есть данные связи могут предположительно иметь как “онтологический” характер, связанный с особенностями взаимодействия механизмов тревожности и механизмов самоотношения, так и “гносеологический”, обусловленный спецификой используемого инструментария, тем, насколько с помощью данного инструментария улавливаются именно механизмы самоотношения, а не (хотя бы частично) механизмы самой тревожности.

Взаимосвязь тревожности с локусом контроля

При исследовании тревожности у студентов-психологов 1-4-х курсов Н. А. Реутова использовала дополнительно методику УСК. Было показано, что показатели интернальности имеют свою динамику от 1 курса к 4 курсу. Не анализируя ее детально, отметим лишь различное число статистически значимых корреляций ($p \leq 0.05$) на разных курсах внутри методики УСК: на первом курсе – 8 связей из 21 возможной (при этом Ио (общая интернальность) дает 4 связи, исключая Ис (интернальность в семейных отношениях) и Из (интернальность по отношению к здоровью)); на втором курсе – 7 связей (Ио – 4 связи, исключая Ип (интернальность в производственной сфере) и Им (интернальность в межличностных отношениях)); на третьем – 12 связей (Ио – 5 связей, исключая Из); на четвертом – 12 связей (Ио – 5 связей, исключая Из). Как можно видеть есть определенная тенденция к интеграции показателей локуса контроля к третьему-четвертому курсам.

Рассмотрим теперь взаимосвязи показателей интернальности по УСК с показателями тревожности по различным методикам от 1-го к 4-му курсу (табл. 23, 24, 25).

Таблица 23

Взаимосвязь показателей тревожности и интернальности у студентов 1-го курса ($n=24$, $p \leq 0.05$)

	Нейротизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Ио	-.47	-.52	-.71	-.61	-.56		-.52
Ид	-.46	-.47	-.60	-.46	-.44		-.45
Ин	-.41	-.44	-.56	-.60	-.57		-.49
Ис							-.41
Ип	-.45		-.56		-.43		-.46
Им		-.51	-.53	-.55			
Из							

У студентов 2-го курса (24 чел.) нет вообще ни одной статистически значимой связи ($p \leq 0.05$) между показателями тревожности и интернальности.

Таблица 24

Взаимосвязь показателей тревожности и интернальности
у студентов 3-го курса ($n=25, p \leq 0.05$)

	Нейротизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Ио		-.70		-.59	-.64		-.57
Ид	-.41	-.60		-.59	-.52		-.52
Ин		-.56		-.46	-.56		-.43
Ис							
Ип							
Им							
Из						-.51	

Таблица 25

Взаимосвязь показателей тревожности и интернальности
у студентов 4-го курса ($n=23, p \leq 0.05$)

	Нейротизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Ио	-.70	-.81	-.78	-.62	-.81	-.63	
Ид	-.65	-.61	-.65		-.66	-.64	-.43
Ин	-.65	-.73	-.73	-.52	-.78	-.47	
Ис	-.51	-.46	-.46		-.51		
Ип	-.58	-.61	-.68	-.62	-.70	-.65	
Им	-.58	-.46			-.56		
Из					-.47		

Рассматривая динамику взаимосвязей (табл.23,24,25) между показателями тревожности и интернальности от первого к четвертому курсу, можно отметить, что на первом курсе из 49 возможных обнаружено 26 статистически значимых ($p \leq 0.05$) связей, на втором статистически значимые связи тревожности с интернальностью отсутствуют, на третьем курсе – 14 связей, на четвертом курсе число статистически значимых связей возрастает до 32. Усиление интеграционных процессов к 4 курсу в показателях тревожности и в показателях интернальности сопровождается усилением и взаимодействия между данными механизмами.

Можно предположить, что на уровень тревожности у студентов 4 курса в значительной мере влияют особенности сложившегося у них в результате предшествующих лет обучения локуса контроля. Отметим

также, что разные показатели тревожности, будучи достаточно высоко связанными между собой, находятся в различном отношении к показателям интернальности. Так, довольно близкой по своим особенностям оказывается динамика показателей тревожности по Тейлор и по Норакидзе в их связях с интернальностью. В то же время, уровень депрессии и фактор О по Кеттеллу обнаруживают почти противоположную динамику от 1-го к 4-му курсам: на тех курсах, где фактор О дает больше корреляций с тревожностью, уровень депрессии дает их меньше и наоборот. Различным оказывается и «корреляционное поведение» показателей личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину в их взаимосвязях с показателями интернальности. Нейротизм в динамике своих взаимосвязей с показателями интернальности в определенной степени тяготеет к тому, что обнаруживает личностная тревожность, а также тревожность по Тейлор и Норакидзе.

Среди показателей интернальности по числу взаимосвязей с показателями тревожности выделяются – общая интернальность (Ио), а также интернальность достижений (Ид) и интернальность неудач (Ин). Когда имеет место усиление интеграционных процессов внутри самих механизмов интернальности, увеличивается, как правило, и число их взаимосвязей с показателями тревожности, то есть в зависимости от своих собственных особенностей механизмы интернальности могут действовать как на стороне G-фактора тревожности, так и на стороне S-факторов, приводя к их усилению.

Интересно, что факторный анализ, проведенный по методу главных компонент на всей выборке в 96 студентов 1-4 курсов, показал, что в первый фактор (вес фактора 7,95) со значимыми весами (более .70) вошли показатель тревожности по шкале тревоги Тейлор (+.84), показатель тревожности по шкале тревоги Норакидзе (+.79), показатель нейротизма по методике Айзенка (+.77), показатель реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину (+.70), с одной стороны, и показатель общей интернальности (-.77), с другой стороны. Наряду с этим выраженную тенденцию (более .60) к вхождению в данный фактор обнаружили: личностная тревожность (+.69), фактор О по Кеттеллу (+.67), эмоциональная устойчивость С по Кеттеллу (+.66), уровень депрессии (+.63), с одной стороны, и интернальность неудач (-.66), с другой.

В исследовании Л. В. Ворониной на 40 учителях также, наряду с методиками «на тревожность», использовалась методика УСК. Из 21 возможной связи между показателями интернальности было получено 13 статистически значимых связей ($p \leq 0.05$). При этом показатель ин-

термальности здоровья (Из) не дал ни одной статистически значимой связи.

Таблица 26

Взаимосвязь показателей тревожности и эмоциональной устойчивости у учителей ($n=40$, $p \leq 0.05$)

	Нейротизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)
Ио	-.31	-.40	-.52	-.45	-.43	-.54	-.52
Ид		-.36	-.53	-.54	-.42	-.60	-.53
Ин		-.32					
Ис		-.39	-.40	-.31	-.38	-.44	-.43
Ип							
Им		-.46	-.46		-.45	-.47	-.31
Из							

Из табл. 26. следует, что показатель общей интернальности (Ио) статистически значимо коррелирует со всеми показателями тревожности: с нейротизмом при $p \leq 0.05$, с тревожностью по Тейлор, по Норакидзе и с реактивной тревожностью по Спилбергеру-Ханину при $p \leq 0.01$, личностной тревожностью, уровнем депрессии и фактором О по Кеттеллу при $p \leq 0.001$. На втором месте по числу связей с тревожностью интернальность достижений (Ид) и интернальность в сфере семейных отношений (Ис).

Факторный анализ методом главных компонент, проведенный на этой выборке, показал, что в первый фактор (вес фактора 9,04) вошли со значимыми весами (более .70) следующие показатели: общая интернальность (+.76), интернальность достижений (+.72), с одной стороны, и личностная тревожность (-.86), уровень депрессии (-.85), тревожность по Норакидзе (-.83), тревожность по Тейлор (-.76), реактивная тревожность (-.73), нейротизм (-.71), фактор О по Кеттеллу (-.70), с другой стороны. Тенденцию к вхождению в данный фактор (более .60) продемонстрировали эмоциональная устойчивость С по Кеттеллу (+.68), интернальность в сфере семейных отношений (+.65) и интернальность в сфере межличностных отношений (+.60). Данные результаты говорят о тесной взаимосвязи показателей тревожности и локуса контроля.

2.3. Взаимосвязь тревожности с интеллектом, успеваемостью, возрастом и стажем работы

Взаимосвязь фактора В (интеллект) по Кеттеллу показателями тревожности

Рассмотрим полученные в исследовании Л. В. Ворониной на студентах-психологах 1-4-х курсов результаты по данному вопросу (табл.27).

Таблица 27

Взаимосвязь показателей тревожности, эмоциональной устойчивости и фактора В (интеллект) по Кеттеллу у студентов 1-4-х курсов ($p \leq 0.05$)

В	Нейротизм	Тр. Тейлор	ЛТ	РТ	Тр. Нор	Ур. депр.	О (Кетт.)	С (Кетт.)
1 курс n=24								
2 курс n=24				-.45		-.43		
3 курс n=25								-.40
4 курс n=23							.42	

Как можно видеть, связи показателя интеллекта с показателями тревожности носят довольно неустойчивый характер. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее стабильные в своем «корреляционном поведении» и наиболее «загруженные» генеральным фактором общей тревожности G показатели, такие как тревожность по Тейлор, тревожность по Норакидзе, личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину, нейротизм по Айзенку не продемонстрировали статистически значимых связей с интеллектом, тогда как более сильно варьирующие в своем «корреляционном поведении» показатели реактивной тревожности, уровня депрессии и фактора О по Кеттеллу дают отдельные связи с интеллектом.

Это позволяет предположить, что интеллект, измеряемый с помощью фактора В, является одним из компонентов специфического S-фактора тревожности. Представляет интерес и то, что фактор О, в отличие от других показателей, коррелирует с фактором В положительно: то есть повышение интеллекта в данном случае сопряжено с повышением тревожности. Аналогично, кстати, ведет себя и показатель С: там повышение интеллекта сочетается с понижением эмоциональной устойчивости. Таким образом, интеллект может как повышать, так и пони-

жать тревожность человека, или вообще никак на них не сказываться, то есть разные механизмы тревожности находятся с ним в разных отношениях.

В исследовании Е. В. Горшковой на 60 учителях районных и «элитарных» школ были обнаружены связи фактора В только с «вторичным» показателем тревожности по Кеттеллу: для всей выборки учителей $+0.39$ ($p \leq 0.01$), у учителей обычных школ $+0.30$ ($p \leq 0.05$), у учителей «элитарных» школ $+0.56$ ($p \leq 0.05$). Показатели же личностной и реактивной тревожности, а также фактор О по Кеттеллу связей с фактором В не обнаружили. То, что положительные связи с интеллектом обнаружались лишь у фактора «вторичной тревожности» по Кеттеллу, может свидетельствовать о том, что при расчетах этого вторичного показателя используются такие факторы методики Кеттелла, которые сами по себе, вероятно, в значительной мере «нагружены» связями с интеллектом, и они приносят это в показатель «вторичной тревожности» как S-факторный момент.

В исследовании Л. В. Ворониной на 40 учителях не было получено ни одной статистически значимой связи фактора В по Кеттеллу и показателей тревожности (нейротизм, тревожность по Тейлор, личностная тревожность, реактивная тревожность, тревожность по Норакидзе, уровень депрессии, фактор О, а также фактор С по Кеттеллу).

Таким образом, если эмоциональная устойчивость, стрессоустойчивость, а в определенной мере и ряд параметров самоотношения и интернальности, по всей видимости, влияют на механизмы тревожности изнутри, входя своими составными частями в ее механизмы, то механизмы интеллекта, вероятно, являются внешними по отношению к механизмам тревожности, влияют на нее не непосредственно, а опосредованно, через результативность деятельности, требующей интеллектуальных усилий, и социальную оценку ее качества.

Взаимосвязь тревожности и психометрического интеллекта

В исследовании Н. А. Мухачевой интеллект изучался с помощью теста ШТУР на 50 учащихся-подростках г. Ноябрьска. Для исследования тревожности были использованы показатели личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину и нейротизма по Айзенку. Нейротизм не обнаружил ни одной статистически значимой связи с показателями интеллекта. Личностная и реактивная тревожность, будучи связаны между собой ($+0.63$ при $p \leq 0.001$) обнаружили отрицательные статистически значимые связи ($p \leq 0.05$) с результатами выполнения четвертого субтеста: для личностной тревожности коэффициент корре-

ляции – (-.32), для реактивной – (-.31). Других связей с показателями интеллекта обнаружено не было.

Факторный анализ по методу главных компонент выявил два фактора, в первый из которых (вес фактора 7.09) вошли (более .70) все показатели интеллекта с коэффициентами от +.71 до +.98, кроме пятого субтеста, обнаружившего лишь тенденцию к вхождению в данный фактор (+.62). Во второй фактор (вес фактора 2.9) вошли с отрицательными значениями (более .70) личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину (-.88), нейротизм по Айзенку (-.76) и в тенденции реактивная тревожность по Спилбергеру-Ханину (-.65), то есть все показатели тревожности. Как можно видеть, в отличие, например, от интернальности, входящей с показателями тревожности в один фактор, тревожность и интеллект расходятся по двум разным факторам, представляя разные механизмы жизнедеятельности, внешним образом, опосредованно влияющие друг на друга.

Взаимосвязь тревожности с успеваемостью

В исследовании В. В. Штримвассер рассматривались связи тревожности с успеваемостью учащихся (см. табл.1). Было показано, что на общей выборке 93-х учащихся 5-11-х классов все четыре показателя тревожности по методике Кондаша-Прихожан статистически значимо отрицательно связаны с успеваемостью (три показателя при $p \leq 0.05$, показатель “Общая тревожность” – при $p \leq 0.01$). В методике Филлипса пять показателей из девяти оказались связанными отрицательной связью с успеваемостью “Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу”, “Наличие повышенной тревожности у ребенка” и “Переживание социального стресса” – при $p \leq 0.01$; “Страх не соответствовать ожиданиям окружающих” и “Общая тревожность в школе” - при $p \leq 0.05$.

В подвыборках учащихся 5-6-х, 7-8-х и 9-11-х классов число статистически значимых корреляций уменьшается от 5-6-х к 9-11-м классам (причем у учащихся 9-11-х классов получена лишь одна статистически значимая ($p \leq 0.05$) отрицательная связь между успеваемостью и «Страхом ситуации проверки знаний» по Филлипсу) (см. табл.2,3,4). Во всех случаях, кроме одного, связи успеваемости с тревожностью - отрицательные. Интересно отметить, что единственная положительная связь показателя тревожности с успеваемостью, полученная на выборке учащихся 5-6-х классов, это связь между успеваемостью и «Страхом самовыражения» по Филлипсу ($p \leq 0.05$).

В исследовании В. В. Штримвассер на общей выборке 93-х учащихся 5-11-х классов не было выявлено статистически значимых связей с возрастом по методикам Кондаша-Прихожан, шкале тревожности Тейлор, методике Спилбергера-Ханина. В том же время четыре показателя тревожности из девяти по методике Филлипса обнаружили отрицательные статистически значимые связи с тревожностью: 1 связь, значимую при $p \leq 0.01$ (между возрастом и «Страхом проверки знаний» (-.38)), и 3 связи, значимые при $p \leq 0.05$ (между возрастом и «Наличием повышенной тревожности у ребенка» (-.25), между возрастом и «Общей тревожностью в школе» (-.25), возрастом и «Проблемами и страхами в отношениях с учителями» (-.24)).

В то же время отдельно внутри подвыборок учащихся 5-6-х, 7-8-х и 9-11-х классов статистически значимых связей с возрастом не обнаружено.

В исследовании Л. В. Ворониной на 40 учителях в возрасте от 20-и до 64-х лет были получены статистически достоверные положительные корреляции ($p \leq 0.05$) с возрастом для показателя тревожности по шкале Тейлор (+.33) и для показателя нейротизма по Айзенку (+.37). Показатели уровня депрессии, личностной и реактивной тревожности по Спилбергеру-Ханину, тревожности по Норакидзе, фактора О по Кеттеллу, а также эмоциональной устойчивости (фактор С по Кеттеллу) статистически значимых связей с возрастом не обнаружили. Аналогичная картина выявилась и относительно связей ($p \leq 0.05$) показателей тревожности со стажем работы: корреляция между стажем работы и показателем тревожности по шкале Тейлор равна +.31, между стажем и нейротизмом по Айзенку - +.38. Остальные показатели значимых связей со стажем работы не показали.

В исследовании Е. В. Горшковой на 60 учителях районных и «элитарных» школ статистически значимых связей показателей тревожности (реактивная и личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину, фактор О и «вторичный показатель тревожности» по Кеттеллу) с возрастом выявлено не было ни в общей выборке, ни в подвыборках учителей районных и учителей «элитарных» школ отдельно, ни в подвыборках учителей в возрасте до 35 лет и от 35 до 45 лет. Такая же картина и относительно стажа работы – значимых корреляций нет.

Таким образом, взаимосвязь тревожности и возраста носит неоднозначный, многократно опосредованный различными иными факторами характер. Для взрослых таким опосредующим фактором может

быть стаж работы. Судя по представленным данным, связь показателей тревожности с возрастом начинает достигать уровня статистической достоверности в выборках с большим диапазоном вариаций по показателю возраста. В выборках, более близких по показателю возраста, связи с тревожностью оказываются статистически незначимыми. В ситуации с возрастом происходит наложение возрастной динамики на индивидуальную изменчивость в проявлениях тревожности, что приводит к неустойчивости связей между данными показателями.

Таким образом, с точки зрения антропоцентрического подхода тревожность является свойством, в той или иной степени детерминированным механизмами жизнедеятельности человека как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Она находится в разнообразных взаимосвязях с другими свойствами человека, обуславливая уникальный и неповторимый способ реагирования человека на разнообразные ситуации ожидаемой (реальной или воображаемой) угрозы его существованию, развитию и функционированию как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Исследование тревожности с позиции антропоцентрического подхода позволяет более глубоко разобраться в содержательных аспектах тех механизмов, тенденций, факторов, которые обнаруживаются при объектоцентрическом подходе, но внутри самого объектоцентрического подхода интерпретированы быть не могут.

3. Исследование тревожности с позиции социоцентрического подхода

Возникновение и развитие социоцентрического подхода в психологии не могло не сказаться и на исследованиях, связанных с тревожностью. Социоцентрический подход в данном случае предполагает учет в анализе тревожности различных социальных факторов, влияющих на ее формирование и проявления, зависимость того или иного уровня тревожности от отношений человека с другими людьми, от особенностей его общения.

При реализации социоцентрического подхода к тревожности приобретают актуальность: 1) исследование связей тревожности (квазитревожности) с коммуникативными качествами человека (здесь идеи социоцентрического подхода накладываются на антропоцентрический подход); 2) воздействие на уровень тревожности человека, измеренный с помощью того или иного психометрического инструментария, посредством различных форм групповой тренинговой работы (с сопоставлением

показателей тревожности до и после тренингов); 3) изучение взаимосвязи тревожности и «виртуального коммуницирования» (этот рабочий термин используется нами для фиксации и учета ситуаций коммуницирования с надличностными, трансперсональными факторами, в различной форме представленными внутри самого человека).

3.1. Взаимосвязь тревожности и социального интеллекта

В исследовании Е. В. Горшковой, проведенном на 60 учителях, наряду с методиками «на тревожность», использовался тест Гилфорда-Салливена, направленный на изучение социального интеллекта. Сама разработка данного теста отражает проникновение идей социоцентрического подхода в исследования интеллекта человека, что привело к выделению такой ипостаси человеческого интеллекта, как социальный интеллект, который практически, как показывают исследования, в том числе и наши, не коррелирует с психометрическим интеллектом, измеряемым традиционными тестами интеллекта.

Можно было предположить, что социальный интеллект, который позволяет эффективно (или, в случае низких показателей, неэффективно) решать коммуникативные задачи, обнаружит связи с показателями тревожности. В исследовании, однако, статистически значимых связей показателей тревожности (реактивная и личностная тревожность по Спилбергеру-Ханину, фактор О и «вторичный» показатель тревожности по Кеттеллу) с пятью показателями теста Гилфорда-Салливана выявлено не было. Отметим лишь, что была выявлена одна статистически значимая связь между эмоциональной устойчивостью (фактор С) по Кеттеллу и результатами выполнения второго субтеста методики Гилфорда-Салливена (-0.56 , при $p \leq 0.05$) у учителей в возрасте до 35 лет.

3.2. Влияние тренинговой работы на уровень тревожности

Под воздействием социоцентрической ориентации в психологии в исследованиях по различным проблемам стали широко использоваться тренинги с целью вызвать позитивные сдвиги в изучаемых качествах людей. Используются они и при изучении тревожности. В качестве примера приведем исследование Т. Ю. Артюховой, в котором на основании опросниковых методик, прежде всего, шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, были выделены группы высокотреховных личностей и личностей с нормальным уровнем тревожности. Автор изучала различия между этими группами по ряду

других показателей, а затем с высокотревожной подгруппой провела рефлексивно-перцептивный тренинг. Замеры ситуативной тревожности до и после тренинга показали статистически значимые позитивные сдвиги [1].

В нашем цикле работ аналогичный исследовательский ход был использован Л. В. Карапетян при изучении стрессоустойчивости, показатель которой, как говорилось в предыдущем разделе, показал устойчивые корреляции с показателями тревожности. Группа испытуемых с низкой стрессоустойчивостью (по методике С. В. Субботина) прошла тренинг по специально разработанной программе, направленной на повышение уровня стрессоустойчивости. Повторный замер по методике С. В. Субботина через шесть месяцев после проведения тренинга показал статистически достоверное повышение стрессоустойчивости ($p \leq 0.05$) по t-критерию Стьюдента и по критерию Вилкоксона. Кроме этого, участники тренинга, получив описания того, что такое «реактивная тревожность», «личностная тревожность», «низкая эмоциональная устойчивость», «предметная эмоциональность», «социальная эмоциональность» и др., оценивали уровень проявления у себя данных качеств до тренинга и после его проведения. На уровне самооценки статистически значимые различия, свидетельствующие об улучшении показателей, были получены по личностной тревожности, а также предметной и социальной эмоциональности [4. С.112-113].

3.3. Тревожность в контексте «виртуального коммуницирования»

Тревожность в общении между людьми во многом обусловлена вероятностным характером поведения партнеров по общению: всегда есть некая вероятность того, что реакция партнера будет благоприятной, и есть некая вероятность неблагоприятной реакции партнера. Каковой реально окажется эта реакция партнера в уникальной и неповторимой, единственной в своем роде ситуации общения здесь и теперь, человек не знает, так как здесь вмешивается в дело случайность, и тогда реально может случиться (от слова «случай») самое маловероятное событие (тут говорят, что человеку «крупно повезло» или «ужасно не повезло»).

Когда уже «не повезло», когда нечто плохое (плохое событие, известие, ситуация и т.п.) уже имеют место, человек испытывает страх, ужас, он ведет себя в данной ситуации, овладевает ею в зависимости от особенностей своей эмоциональной устойчивости и стрессоустойчивости. Когда же человек ожидает этого угрожающего события (узнав о нем

на основе своего предыдущего опыта или присвоив опыт других людей), он тревожится, он переживает, что маловероятное плохое событие из-за вмешательства случайности все же произойдет, или надеется, что случится маловероятное хорошее событие, тоже благодаря вмешательству случая. И человек начинает говорить: «судьба». Судьба – это отношения человека со случайностью.

Человеку приходится жить в условиях действия случайности, ему приходится к этому фактору случайности адаптироваться. Например, ситуации школьной жизни полны таких случайностей: ребенок находится под властью собственных способностей и неспособностей (и кто сделал его качества именно такими, какая сила приложила к этому руку, ему неизвестно), под действием своих ситуативных состояний (усталости, болезни, перевозбуждения и т.д.), под действием непонятно чем обусловленного настроения учителей, родителей, под действием объема учебного материала, который невозможно за отведенное время выучить безукоризненно и т.д., и т.п. Все эти события, явления и процессы предстают перед ребенком как проявления некой стихийной силы – случая, который так же властвует над ребенком, как в раннем возрасте его родители, и тогда механизмы, наработанные ребенком при овладении случайностью в конкретной форме ее проявления в виде случайного характера родительского поведения, ребенок неосознанно переносит на эту силу – случайность в многообразии конкретных форм ее проявления в природных и социальных явлениях. Таким образом, одним из объективных факторов в жизни ребенка становится фактор случайности, «везения» или «невезения».

Фактор случайности ребенок сначала познает в отношениях с родителями, близкими. В поведении родителей все носит вероятностный характер: они то добры, то рассержены, то долго находятся рядом, то надолго исчезают, иногда смотрят сквозь пальцы на серьезные промахи ребенка, иногда ругают из-за пустяка – все это вызывает тревогу, беспокойство и, естественно, стремление со стороны ребенка овладеть ситуацией, научиться управлять случайностью, доводя вероятность благоприятной альтернативы до 1 (или хотя бы максимально к ней приближаясь), а вероятность неблагоприятной альтернативы до 0 (или максимально к нему приближаясь). В американском фильме «Непристойное предложение» главный герой использует специально отчеканенную монету, у которой с обеих сторон «орел» (вероятность 1) и нет «решки» (вероятность 0).

С момента рождения ребенок учится в отношениях со взрослыми управлять случайностью, овладевать ею, ставить ее себе на службу. Какие способы здесь могут быть использованы?

Первоначально ребенок начинает приспосабливаться к своим родителям и управлять фактором случайности, проявляющимся по отношению к нему в поведении родителей, он нарабатывает механизмы, позволяющие сделать родителей благосклонными. Один чувствует, что этого от родителей удастся достичь демонстрацией своих переживаний, страхов, а чтобы было правдоподобнее, надо вызвать и «раскошегарить» в себе эти переживания и страхи – и вот лица родителей просветлели, они уже простили проступок или сочувствуют несудаче и т.д. А часто родители сами требуют, чтобы ребенок просил прощения, каляся – «ты сделал плохо, признай это, скажи вслух, проси прощения, согласишься с тем, что бы несправ, что ты провинился», и тогда мы благосклонно смиримся и тебе самому станет лучше от этого, твой страх перед нашей рассерженностью уйдет. Второй, чаще тот, у кого родители были строгими и малочувствительными к проявлениям слабости и незащитности, не были склонны к проявлениям жалости, снисходительности к страхам, вырабатывает в себе механизм деятельного совладания со страхом: если я, не демонстрируя свою слабость и страхи перед гневом родителей, просто переделаю все то, за что меня ругают – перепишу работу, еще раз повторю правила, которые плохо запомнил, и т.д., то я изменю родительское отношение ко мне в лучшую сторону, я овладею им, научусь приближать к 1 вероятность хорошего отношения ко мне и понижать почти до 0 вероятность плохого отношения ко мне. То есть, во взаимоотношениях с родителями могут быть освоены различные способы символического подчинения случайности как некой могущественной силы своей власти, которые и обуславливают, будет ли случай в конкретной ситуации «за меня» или «против меня».

Потом наработанные с родителями механизмы переносятся и развиваются далее в отношениях с учителями, сверстниками, судьбой в целом. Ребенок пытается управлять судьбой, нарабатывая следующие возможные типы совладания со случайностью: 1) соматический тип совладания; 2) тревожный тип совладания; 3) деятельный тип совладания; 4) образный тип совладания; 5) знаковый тип совладания. Наряду с этим могут быть различные смешанные варианты, где представлено несколько типов совладания или даже все типы, но в различной пропорции. Каждый из этих типов совладания представляет собой сформировавшийся у человека механизм защиты от неблагоприятного воздействия фактора случайности. Бог вырастает изнутри: научившись пользо-

ваться и овладевать случайностью в ее особенной форме проявления (в форме случайности родительского отношения к себе), ребенок пытается овладеть случайностью в ее всеобщей форме – в ее проявлениях в природных и социальных процессах. И как родители в плохом по отношению к нему настроении были репрезентированы в самом ребенке в виде негативных состояний его собственного организма и психики и он снимал эти свои состояния за счет продуцирования других своих состояний (демонстрирующих родителям тревожность, или его деятельность и ее результаты, или ритуальных действий и др.), так и случайность в ее всеобщей форме представлена в нем самом в виде его собственных негативных состояний при столкновении с теми или иными вредными, опасными, угрожающими природными или социальными факторами. На основе развития механизмов совладания со случайностью человек может прийти к идее всеобщего родителя – Бога, которому можно продемонстрировать свою тревогу, свои страдания или свое усердие, трудолюбие и т.д. – и он смирится. Вера в Бога – это перенос своего способа справляться со случайностью в проявлениях родительского отношения к себе, на случайность, имеющую место в природных и социальных процессах.

Внутри перечисленных выше типов совладания со случайностью могут иметь место варианты более доброкачественные и более злокачественные.

При соматическом типе совладания нужно заболеть, чтобы «ОН» (Бог) или «Она» (Высшая сила, судьба) увидели мои проблемы и сжалились, и обернули случайность в мою пользу.

При тревожном типе совладания человек попадает в порочный круг, так как он «наращивает» механизмы тревоги, а не действия, а значит, не осваивает необходимых знаний, умений, навыков (бытовых, учебных и др.), а потому становится все более и более уязвимым, и ему требуется с каждым разом «развивать» в себе состояние все более и более сильной тревоги; при этом в силу слабых знаний, умений и навыков овладеть ситуацией чаще всего не удастся, и тогда делается бессознательный вывод, что, видимо, в этот раз я мало тревожился, недостаточно, чтобы судьба, случайность, Бог повернулись ко мне лицом («их ведь, как и родителей, не обманешь, они видят, действительно ли я тревожился настолько сильно, чтобы у них появилось желание смириться, сделать так, чтобы меня «пронесло» на экзамене, при ответе у доски и т.д.»). И человек начинает с каждым разом тревожиться все больше, а работать все меньше, вплоть до полного отказа от данной дея-

тельности и от деятельности вообще через уход в болезнь (например, в виде тревожно-депрессивного расстройства личности).

При деятельном типе совладания со случайностью человек как бы говорит себе, что тревогой социальную и природную случайность своей власти не подчинишь, а деятельностью до некоторой степени можно (скажем, наработал хорошие знания, умения, навыки и ситуации оценки стали значительно менее тревожащими). Бог, судьба, случайность видят, как я старался, они действуют по принципу - «сверхусилия вознаграждаются», а если неудача все же постигнет, значит, высшая сила сочла, что я еще недостаточно старался, что мне надо утроить усилия. Если православие опирается, скорее, на тревожный способ совладания (Бог любит бедных и больных), то протестантизм – на деятельный способ совладания (Бог любит богатых и здоровых).

В случае неудачи все эти способы совладания могут использоваться для самооправдания («я болел», «я переволновался», «я переутомился»).

При образном типе совладания со случайностью человек начинает искаженно отражать реальность, ее вероятностные характеристики, он уходит в аутистический мир грез и фантазий, где все подчинено его власти, где он господствует над случайностью.

При знаковом типе совладания со случайностью человек овладевает ею с помощью ритуальных действий, амулетов, талисманов.

Возможно, что образный и знаковый типы совладания формируются в силу того, что когда-то в самом раннем возрасте ни соматический, ни тревожный, ни деятельный способы совладания со случайностью родительского к нему отношения не дали результата, и ребенку стало непонятно, чем же задобрить эту непонятную силу – неподвластную его усилиям динамику отношения не принимающих его родителей, полную случайностей и противоречий, и он ушел в мир фантазий и ритуальных действий.

Все эти типы совладания как механизмы защиты от неблагоприятного воздействия случайности могут быть сформированы а) в адаптивном варианте, повышающем уровень эффективности деятельности в ситуациях воздействия фактора случайности, б) в дезадаптивном, делающем человека в еще большей степени неуспешным в ситуациях действия фактора случайности («нытики», «зубриль» и т.д.), и в) патологическом, приводящем к серьезным нарушениям в психической и личностной сфере. Патологическая гипертрофия механизмов тревожного типа совладания со случайностью приводит, вероятно, к тревожно-депрессивному расстройству и фобиям, соматического - к психосоматическому.

тозам, деятельного – к трудоголии, знакового – к обсессивно-компульсивному расстройству, образного – к шизоморфным нарушениям и аутизму.

Таким образом, в механизмах тревожности есть два уровня – базовый уровень механизмов тревоги, обусловленный возможностью неблагоприятного воздействия фактора случайности (он является сходным у всех типов), и надстроечный уровень механизмов тревожности, обусловленный использованием механизмов тревоги базового уровня для формирования и расширенного воспроизведения тревожного типа совладания с фактором случайности. Опросниковые методики «на тревожность» как раз и позволяют выявить тех, для кого в наибольшей степени характерен именно тревожный тип совладания со случайностью, показывают степень представленности в структуре механизмов защиты от тревоги, вызванной действием фактора случайности, механизмов этого тревожного типа совладания. Как можно видеть, при социоцентрическом подходе к исследованию тревожности появляется возможность выявить такие ее коренящиеся во взаимодействии с людьми детерминанты, которые не просматриваются ни при объектоцентрическом, ни при антропоцентрическом подходах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхова Т. Ю. Психологические механизмы коррекции состояния тревожности личности. Автореф. дис. ... канд. психол. н. Новосибирск, 2000.
2. Бажин Е. Ф., Голынкина С. А., Эткинд А. М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. № 3.
3. Глотова Г. А. Типологический подход к исследованию тревожности // Психологический вестник УрГУ. Екатеринбург, Банк культурной информации, 2000.
4. Глотова Г. А., Карапетян Л. В. Стрессоустойчивость педагога // Психологический вестник УрГУ. Екатеринбург, Банк культурной информации, 2000.
5. Глотова Г. А. Объектоцентрическая, антропоцентрическая и социоцентрическая ориентации в психологии // Психологический вестник УрГУ. Екатеринбург, Банк культурной информации, 2000.
6. Глотова Г. А., Легостев А. В. Тревожность в структуре индивидуальности человека // Прикладная психология на рубеже столетий. Екатеринбург, Банк культурной информации, 1999.
7. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 1999.
8. Киселев С. Ю. Закономерности развития простых и дифференцировочных реакций у детей дошкольного возраста // Психологический вестник УрГУ. Екатеринбург, Банк культурной информации, 2000.
9. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. Прага, 1983.
10. Образование: гибкие технологии / Под ред. Г. А. Аминова. Уфа, 1997.
11. Субботин С. В. Устойчивость к психическому стрессу как характеристика метаиндивидуальности учителя. Дис. ... канд. психол. н. Пермь, 1992.
12. Сурнина О. Е. Возрастная динамика субъективного отражения времени. Автореф. дис. ... д-ра биол. н. СПб., 1999.
13. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томского ун-та, М.: Барс, 1997.